

МОДНОВЕРИЕ

ОТ СТРАШНОГО ДО СМЕШНОГО

Волков Казаков Белаш Тюрин Дивов Бенедиктов Виноградов Минасян
Трускиновская Федотов Желунов Коротич Куликов Тюрин Чекмаев

Сборник

**Модное верие. От
страшного до смешного**

«Снежный Ком»

2018

Сборник

Модное верие. От страшного до смешного / Сборник — «Снежный Ком», 2018

ISBN 978-5-9500850-3-1

Усиление патриотических настроений в обществе спровоцировало в последние годы рост активной пропаганды неоязычества, все чаще именуемого родноверием. Неофитам предлагаются вроде бы здравые идеи: изучение наследия предков, возрождение древнеславянских традиций и праздников, красивые ритуалы на свежем воздухе как альтернатива домашнему заключению с гаджетами в руках. Но, как это часто бывает, вместе с историками и реконструкторами интерес к прошлому привлек внимание многочисленных религиозных мошенников и даже откровенного криминала. Пользуясь безграмотностью обывателя, под личиной «патриотического язычества» расцвели многочисленные секты самого экзотического характера. Фантастика – это жанр, который особенно хорошо умеет моделировать. Издательство «Христианская книга» – победитель Международного грантового конкурса «Православная инициатива 2016-2017» – предложило авторам НФ порассуждать о гримасах религиозного экстремизма. О том, где кончается любопытствующий интерес к яркой истории собственного народа и начинается деструктивное сектантство, нацистские марши со свастикой и чадающие костры из шин и книг.

ISBN 978-5-9500850-3-1

© Сборник, 2018
© Снежный Ком, 2018

Содержание

Почему «Модное верие»?	5
Сергей Волков. В добрый путь!	7
Дмитрий Казаков. Благое дело	22
Людмила и Александр Белаш. Дом князя Комоедова	37
Александр Тюрин. Витязь	52
Олег Дивов. Русская идея, уж какая есть	67
Кирилл Бенедиктов. Операция «Гнев Перуна»	98
Павел Виноградов, Татьяна Минасян. Кондрат Оглашающий	109
Далия Трускиновская, Дмитрий Федотов. Стрела, летящая во тьме	122
Николай Желунов	145
Мила Коротич. Богам – без разницы	158
Игорь Куликов. Великая тартарская стена	166
Михаил Тюрин. Крестник	176
Сергей Чекмаев. Родовспоможение	184

Модновение (сборник)

Почему «Модновение»?

Как минимум тридцать лет назад палитра религиозных движений России пополнилась удивительной по своему разнообразию группой неоязычников. Сами себя они предпочитают именовать родноверами, недоброжелатели прозвали неоязычников долбославами, а с научной точки зрения их лучше называть новопоганцами, вернув прилагательному «поганый» исконный смысл.

Современные новопоганцы делятся на три группы. Одни считают, что могут реконструировать, например, славянское язычество по сохранившимся сакральным текстам – той же «Велесовой книге». Другое дело, что в реальности всем таким текстам меньше ста лет и рассматривать их стоит только как художественные произведения. С этим согласна вторая группа новопоганцев, члены которой занимаются реконструкцией визионерским путем, то есть получая откровения из далекого прошлого. Откровения эти очень разнообразны и взаимно противоречивы, что смущает представителей третьей группы, которые решили отказаться и от «Велесовых книг», и от визионерства. Они полагают, что сами в состоянии придумать нужных богов с ритуалами – в язычестве важна не форма, а некая глубинная суть.

В итоге в России и за ее пределами сформировались сотни групп с уникальным пониманием язычества. В строгом соответствии с принципом симулякра они наплодили множество копий несуществующего в природе оригинала, весьма творчески переосмыслив не только славянские, но и скандинавские, якутские и даже эстонские дохристианские верования. Их деятельность стала отличной иллюстрацией вторжения фантастики в реальность – описанные в художественных книгах верования получают официальный статус и бюджетное финансирование, как это произошло с якутской сектой «Аарайы», вымышленное боевое искусство «древнеукрских волхвов» – «боевой гопак» – признается полноценным видом спорта, новопоганские популяризаторы переписывают историю и фольклор.

Да, при всей абсурдности новопоганства, оно является успешным коммерческим проектом. Музей и национальные парки, клубы реконструкторов и фольклорные ансамбли являются излюбленными местами концентрации адептов. Они выступают по центральным телеканалам и даже заседают в Госдуме, ухитряясь разжигать вражду в отношении христиан, мусульман, евреев и футболистов одновременно. В первую очередь из-за плохо скрываемой враждебности новопоганцев к мировым религиям, отдельным расам и народам считать их увлечение безобидным никак не получается. Большинство российских неонацистов исповедуют именно новопоганство, причем зачастую в его скандинавском уклоне. Крупнейшие родноверские организации нашей страны – беловодские староверы-инглинги, ведические скифо-арии и кубано-земляные радославы признаны экстремистскими не потому, что поклонялись Перуну. Нет, они призывали к расправам с инакомыслящими и строили великую Русь от Бирюлева до Бибирева.

Сборник «Модновение. От страшного до смешного» подготовлен издательством «Христианская книга» при поддержке Международного грантового конкурса «Православная инициатива 2016–2017». Известные российские фантасты с разных углов освещают субкультуру «модного» родноверия, вскрывая ее наиболее интересные особенности. Читатель найдет в рассказах притчу и гротеск, иносказание и сатиру, хотя идеологи новопоганцев в своих умопостроениях дадут фору любому юмористу. Но и серьезные размышления в полной мере присутствуют среди текстов книги.

Хорошего чтения!

*Р. А. Силантьев, директор
Правозащитного центра ВРНС, профессор МГЛУ
С. В. Чекмаев, писатель, сценарист,
редактор-составитель сборника*

Сергей Волков. В добрый путь!

В Средневожске никогда не было церкви. Впрочем, мечети, синагоги, пагоды, ступы и любой другой культовой постройки тоже. Город, воздвигнутый в конце пятидесятых годов для добытчиков поволжской нефти и освоителей бескрайних приволжских просторов, строился практически в голой степи, между лесистыми холмами, то есть вдали от старых деревень и сел, которые могли бы передать Средневожску по наследству свои церкви.

Поэтому самым главным культовым сооружением в городе являлся памятник Кирову. Убиенный в коридорчике соратник «вождя и учителя», как и положено, высился на главной площади Средневожска и широкой, словно лопата, ладонью указывал путь в светлое будущее. По странной случайности, а может быть, и по чьему-то умыслу, путь этот пролегал через городской автовокзал, и злые языки шептались по углам – мол, для того, чтобы в это самое светлое будущее попасть, нужно уехать из Средневожска, который, конечно же, является анусом всего обитаемого мира.

Эпоха шепота завершилась Перестройкой, ну а та, в свою очередь, – памятным всем августом девяносто первого года, после которого в городе случились разительнейшие перемены.

Например, магазин «Галантерея» на углу улиц Ленинградской и Куйбышева превратился в магазин «ООО Айгуль», а член КПСС и главный редактор районной газеты «Заветы Ильича» Геннадий Семенович Тюляпкин – в члена партии «Демократическая платформа России», заместителя мэра и главного редактора газеты «Биржевые вести Поволжья» Геннадия Семеновича Тюляпкина.

Далее – целомудренные платица на школьницах старших классов волшебным образом метаморфизировались в мини-юбочки и сетчатые колготы, лозунг «Начни Перестройку с себя!» на здании горисполкома превратился в плакат «Рынок решает все!», а зарплаты и пенсии средневожцев – в ничто.

Наконец, товарищ первый секретарь городского комитета КПСС Иван Иванович Иванов преобразился в мэра Средневожска господина Ивана Ивановича Иванова.

Ветры перемен пронесли по Средневожску, попереворачивали урны, поразбивали стекла, запорошили пылью тротуары и оставили после себя пестрые ларьки, разномастные вывески и надписи на стенах внезапно обшарпавшихся до бетона пятиэтажек. Надписи были в основном непечатного содержания.

И только расписанный аполитичными голубями под зебру Сергей Миронович на постаменте остался прежним, и могучая длань его все так же направляла средневожцев к автовокзалу, откуда все еще можно было убыть в неведомые и, вероятно, уже не такие светлые дали.

Но в памятный для всего города день 21 марта 1992 года никто особо Средневожск не покидал – наличных денег у ныне абсолютно свободного и независимого народонаселения едва хватало на покупку продовольствия, тут уж стало не до путешествий.

Жестяное солнце плавилось в мутных лужах, талый снег осел ноздреватыми грудями, воробьи орали так, словно наступил конец света. Из окна второго этажа средней школы № 8 двое пятиклассников на спор плевали на крышу милицейской машины. Стражи порядка не могли пресечь это явное безобразие по причине чрезвычайной занятости – они гонялись по школьным коридорам за пьяными учениками 9 «А» класса, которые в полном составе потратили деньги для завтраков на две литровые бутылки спирта «Роял» и, прогуляв физкультуру, употребили его вместе с «Юппи» в школьной раздевалке.

Оранжевый и изрядно помятый, весь скособоченный, словно инвалид труда, рейсовый ЛИАЗ, прозванный в народе «скотовозом», привез на автовокзал с железнодорожной станции десяток пассажиров. Со змеиным шипением распахнулись двери, и на средневожскую землю ступила могучая нога коба и кудесника, требника и стознатца, потомственного волхва Муро-

мира Огляныча, в миру – Трефилова Павла Викторовича, бывшего капитана непобедимой и легендарной Советской Армии, замполита ныне расформированной в/ч 37533 ГСВГ¹.

Облаченный в длинный кожаный плащ и модные ковбойские сапоги, именуемые в просторечии «казаками», Муромир Огляныч носил на голове войлочную шапочку, расшитую древними рунами, обережными знаками и украшенную волосяной кисточкой – «чтобы щекотать брюхо Орилы».

Оглядев вокзальную площадь, густо обсаженную ларьками, торгующими всем, чем только можно – от американских консервов с лицом веселого негра на этикетке и отечественного пива, просочившегося на прошлой неделе, до выкидных ножей, за которые в прежние времена посадили бы и продавцов, и покупателей, и невиданного новшества – импортных презервативов со вкусом клубники – Муромир увлажнил лик матери сырой земли посредством богатырского плевка и решительным, широким военным шагом двинулся в сторону белого здания бывшего горкома, ныне украшенного суровой латунной табличкой с продвинутой надписью на языке бывшего вероятного противника: «The residence of the mayor of the city of Srednevolzhsky».

Проходя мимо памятника Кирову, Муромир бросил на него тяжелый взгляд чуть сощуренных, зеленоватых глаз и усмехнулся, словно бы предугадывая судьбу изваяния.

Примерно в это же время попутный КамАЗ, перевозивший полученные по бартеру в обмен на битум видеоманитофоны из Москвы в столицу нефтяного Татарстана город Альметьевск, остановился возле стелы с надписью «СРЕДНЕВОЛЖСК». Из кабины на пыльную обочину аккуратно спустился пожилой, лысый мужчина с бородкой, одетый настолько просто и непритязательно, что даже самый наблюдательный человек в мире не запомнил бы деталей его костюма – серые вьетнамские куртки сделали бывших советских людей похожими друг на друга, как близнецы. Звали обладателя лысины Скрябиным Иваном Алексеевичем, и был он иереем отцом Владимиром, прибывшим в Средневожск с целью открытия прихода.

Из кабины отцу Владимиру подали выцветший рюкзак и пожелали удачи.

– Храни вас Бог, – поклонился он в ответ и перекрестил КамАЗ.

Хлопнула дверь, лучшее детище советского автопрома обдало отца Владимира жаром, обрызгало талой водой и унеслось прочь. Закинув на плечо рюкзак, путник прищурился на солнце и двинулся в сторону пятиэтажек, виднеющихся над голыми кронами тополей.

Мэр Средневожска господин Иванов в то утро пребывал в состоянии благодушном и даже несколько эйфорическом. Дело в том, что буквально вчера он закончил оформление в собственность двух прекрасных земельных участков на берегу Волги. Владельцем значился шурин господина Иванова, человек никчемный и всем обязанный всеильному родственнику, а стало быть, ни на что не претендующий.

Изящная комбинация с участками, ранее принадлежавшими базе отдыха «Луч», стала возможна благодаря, естественно, наступившим равенству, братству и сестре их свободе, а также федеральному закону «О поддержке малого и среднего бизнеса», согласно которому любой владелец контрольного пакета акций акционерного общества, производящего товары народного потребления, имел право на льготное приобретение земли, не используемой по прямому назначению.

Поскольку база отдыха «Луч» приказала долго жить вместе с одноименным обанкротившимся комбинатом по производству медицинского оборудования, а шурин по документам являлся президентом АО «Санрайз энтертеймент», организованного для выпуска столь необходимого в хозяйстве предмета, как зубочистки, оформить участки не составило большого труда.

¹ ГСВГ – Группа советских войск в Германии.

Господин Иванов, конечно же, дико боялся – при тоталитарном коммунистическом режиме за подобные фокусы можно было на самом деле отправиться заготавливать сырье для зубочисток лет этак на десять. Но демократическая Фемида и впрямь оказалась с завязанными глазами. Поэтому теперь мэр Средневожска ощущал себя человеком, выигравшим в «Спортлото» сразу и «москвич», и стиральную машину «Сибирь-2м», и телевизор «Витязь», и даже модный импортный стереокомбайн «Панасоник».

Дабы в полной мере насладиться триумфом, господин Иванов не преминул налить себе в тонкостенный стакан немного коньяка, как это делали герои западных фильмов, в изобилии имевшихся у господина Иванова на видеокассетах. Нужно было для пушного антуража бросить в стакан лед, но такового пока в мэрии не водилось. Поэтому господин Иванов просто употребил коньяк так, как делал это все предыдущие мрачные годы застоя – залпом. Смачно выдохнув, он причмокнул и произнес вслух:

– И он еще будет говорить, что «плохо, плохо работаете, товарищ...». Тьфу ты! Господин, конечно.

Произнеся эту тираду, господин Иванов внезапно сник и опечалился. Дело в том, что накануне ему звонил Сам глава области, ныне носящий пышный титул «губернатор», и устроил натуральную выволочку за то, что в Средневожске до сих пор нет ни одной религиозной общины, ни одного культового сооружения, а стало быть, духовные ценности находятся на крайне низком, «дикарском», как выразился Сам, уровне.

– Ты, Иванов, что, хреном подавился, я тебе говорю?! Мне данные по области принесли – а у тебя там шиш с маслом! Ты что, очаг коммунизма устроил и пламя разжигаешь? – гремел Сам в телефонной трубке. – Партизанщину бездуховную развел, да? В Москве вон, понимаешь, «АУМ Синрике» везде, Секо Асахара на Красной площади выступает, я тебе говорю, с Ельциным нашим дорогим БорисНиколаичем встретиться собирается! Вот где духовное развитие, понял, да? Вот где ценности общемирового, я тебе говорю, масштаба!

Господин Иванов потел, мычал и кивал. Хитроумный косоглазый японец Асахара действительно не вылезал из телевизора и был настоящей звездой эфира. Все новости начинались и заканчивались его лукавой бородатой физиономией. До Ельцина проповедника, правда, не допустили, а вот пообщаться с Русланом Хасбулатовым, Юрием Лужковым и Александром Рудским ему удалось. Но самым главным другом «АУМ Синрике» был вице-премьер, министр экономики и председатель Экспертного президентского совета Олег Лобов. При такой поддержке никого не удивляло, что у Асахары выходила на радиостанции «Маяк» ежедневная часовая программа, а еженедельно – передача на телеканале «2x2». По телевизору показывали массовые медитации адептов «АУМ Синрике» в Москве, на стадионе «Олимпийский». Возрождение духовности в Российской Федерации набирало темп.

– Так что давай, давай, Иванов, оживляй, я тебе говорю, духовный пейзаж! – наоравшись, Сам устало отдувался в трубке. – Чтобы не была наша губерния, я тебе говорю, чирьем на заднице духовной России. Через неделю доложишь о результатах. Не справишься – будем ставить вопрос. Заодно первые в губернии демократические выборы мэра проведем. Понял, да? Все, отбой.

Господин Иванов вздохнул. Проблему с чирьем на духовной заднице нужно было решать, и решать быстро. Представительств разнообразных политических партий в Средневожске было полна коробочка, даже «Партия любителей пива» имелась, а вот с духовностью дело обстояло гораздо хуже. В городе отсутствовали даже заваяльщенькие секты типа баптистов и сатанистов, а выдать за духовную организацию секцию игры на баяне при местном Доме культуры – это все же был перебор даже для господина Иванова.

Прерывая мысли мэра, тюлюлюкнул селектор. Замигал красным огонек на пластиковой панели. Господин Иванов не глядя утопил клавишу соединения.

– Господин мэр, к вам тут представитель... – голос секретарши дрогнул, – ...представитель духовной... интеллигенции.

Господин Иванов вновь преобразился, согнав с физиономии унылое выражение, привычным жестом смахнул со стола стакан, поймал на лету, сунул в нишу тумбы, откинулся на спинку кресла и придал лицу правильное, «начальственное» выражение.

– Приглашайте, Зинаида Викторовна. Духовная интеллигенция – это очень кстати. На ловца и зверь бежит, – буквально пропел господин Иванов, не меняя «начальственного» лица.

Дверь распахнулась, и в кабинет мэра, едва не чеканя шаг, вошел Муромир Огляныч. Господин Иванов с первого взгляда определил в нем родственную душу и буквально ринулся навстречу, коия и произошла прямо посредине кабинета.

– Очень рад. Очень! – частил мэра. – С кем имею честь?

Подержав в костистой лапиче пухлую ладошку господина Иванова, потомственный волхв Муромир Огляныч не спеша, со вкусом представился, глядя поверх ниточного пробора мэра.

Господин Иванов озадаченно посмотрел на визитера.

– Впечатляет. И по какому вы вопросу, товарищ... э-э-э... господин волхв?

Замешательство Иванова объяснялась пышностью регалий Муромира Огляныча. Мэр обоснованно заколебался – а вдруг перед ним банальный городской сумасшедший?

Но гость развеял сомнения господина Иванова. Выставив вперед ногу в остроносом «казаке», он заявил:

– Десятилетия коммунистического варварства и бездуховности лишили наш великий народ исконных, древних знаний о своем истинном положении на Мировом древе сакральных смыслов и отсекли канал земной энергетике. Так дальше продолжаться не может!

Услышав это, господин Иванов сразу же успокоился – опасения оказались напрасны, перед ним был совершенно вменяемый человек. Мэр согласно закивал, уселся в кресло и приготовился слушать.

– ...все, буквально все утрачено, – хорошо поставленным голосом профессионального агитатора вещал Муромир Огляныч. – Где, скажите мне, где великие ведические книги древних славян? Где скрижали мудрости наших предков? Где прекрасные храмы и величественные города? Все, все уничтожено, погребено, разграблено, перетолмачено, продано, забыто и предано забвению! Но время пришло! Никто не... м-м-м... забыт... и ничто... м-м-м... Ну, в общем, вот что: Великий Рот и сыновья его – и Тащ-бог, и Влез, и Берун, и Орила – воспрянули ото векового сна!

– Воспряли. Род. И Дажьбог, – негромко поправил волхва Иванов. – И Велес.

– Вот! – Муромир Огляныч с негодованием направил указующий перст в сторону мэра. – И вы, господин мэр, попали в тенета заблуждений и ловушки коварных искажителей истории нашего великого народа! Я же говорю: все, буквально все перетолмачено. А между тем наш академик Всемирной Академии Славянистических Вед имени Федора Артуровича Изенбека, волхв и прорицатель Глядовзор, при коммунистах носивший варварскую фамилию Судаков, в своих крайних работах наглядно доказал, что имена исконно славянских богов были искажены в угоду... в угоду враждебным силам, чтобы потерять внутреннюю энергетике и тонкие связи с астральным миром. Вам же известна связь между вербалистикой и тонкими структурами? Вы же читали «Колесо славянской сансары»?

– Да, конечно, конечно, – уверенно закивал господин Иванов.

– Вот! – в округлившись глазах Муромира Огляныча вспыхнул праведный огонь. – Неправильное прочтение отдельных звуков, замена парных гласных, перевороты шипящих и секвестры аллитераций привели к тому, что даже само имя нашего великого и древнейшего на планете народа оказалось перевернуто.

– И как же, простите, вас... хм-хм... нас, я хотел сказать, называют на самом деле?

– Зловяне! – торжествующе провозгласил волхв. – Простая замена одной буквы, всего лишь одной – и как меняется смысл!

– Но... Вы меня извините, господин волхв... Зловяне – это что, от слова «зло»?

– Разумеется, – развел руками Муромир Огляныч. – Но в его исконном, сакральном, ведическом смысле, понимаете? Тогда ведь не существовало понятия «добро», оно возникло позже, когда истинное добро было искажено и оболгано. И таким образом в своем исконном, сакральном, ведическом смысле, я бы сказал, значение слова «зло» – это... – волхв сделал паузу и победно посмотрел на господина Иванова. – ...ну, ну, помогайте!

– ...добро? – робко предположил мэр.

– Вы почували! – зычно возопил Муромир Огляныч, пытаясь заключить господина Иванова в объятия. Не сумев вытащить плотного мэра из кресла, волхв сжал и принялся трясти его руку. – Вы попали в самую мякотку! Наш! Наш! Я знал... Я сразу уловил астральные колебания! Я счастлив, господин мэр, что нашел в вашем лице единомышленника! Мы – зловяне, мы – беруны! Мы несем добро и стабилизируем мировое энергетическое поле Вселенной!

«Вот и славно, – трясясь вместе с рукой, подумал господин Иванов. – Вот и проблемка решилась сама собой. Через неделю будет что доложить Самому. Осталось только порешать детальки...»

«Детальки» порешали в тот же день. Оказалось, что планы Муромира Огляныча относительно Средневожска были весьма обширны, масштабны, а главное – полностью совпадали с планами господина Иванова.

– Помещеньице выделите – и хвала Беруну, начнем, – громыхал по кабинету голос волхва. – Общину организуем, детишек учить будем. Ремесла опять же, во славу Тащ-бога. Исконный наш зловянский напиток квасуру изготовлять начнем. Знаете, сколько в истинной, сакральной квасуре должно быть градусов?

– Три? – наугад предположил мэр.

– Опять ложь, опять наветы! – горько затряс головой волхв, и кисточка на его шапочке затряслась вместе с ним. – А сорок один не хотите?

– Хочу, – кивнул господин Иванов.

– Вот и славно! В общем, на самокупаемость выйдем, закрытое акционерное общество организуем. Ну и все такое... прочее. Но это потом, потом. Сейчас главное – людям глаза открыть. Просветительская, духовная работа – вот самая мякотка. Ну, что я вам рассказываю, вы же из наших, сами все понимаете, – и зеленые глаза Муромира Огляныча в упор буравили господина Иванова, заставляя его кивать, смущаться и за неимением сакральной квасуры предлагать волхву сорокаградусный коньяк.

Таким образом разговор продолжался второй час и наконец дошел до кульминации – помещения.

– У нас есть старая котельная, рядом с Домом культуры, – произнес чуть заплетающимся языком господин Иванов. – Стены побелены, свет, вода. Кафе хотели открыть. Принимайте в полное свое распоряжение. Тепло, светло, и как говорится, мухи не кусают.

– А почему сам Дом культуры нельзя? – быстро облизнув губы, алчно поинтересовался Муромир Огляныч. – Мы же для народа, духовные ценности...

– Я понимаю, – с тоской посмотрев на опустевшую бутылку коньяка, кивнул господин Иванов. – Но экономическая ситуация... У Дома культуры уже есть собственники. Приватизация, куда не денешься.

Информировать волхва о том, что большая часть помещений в ДК приватизирована фирмами, главами которых значились сестра и мать господина Иванова, мэр логично не пожелал. Он выбрался из кресла, подошел к Муромиру Оглянычу, протянул руку.

– Ну, дорогой мой человек, до послезавтра. Сейчас ступайте к Тюляпкину, это мой зам по культуре, он поможет с организационными вопросами. А в субботу, стало быть, встретимся там... у вас... как вы это назвали?

Муромир Огляныч приосанился и без тени улыбки пробасил:

– Презентация Ведической Средневожской общины под покровительством отца нашего небесного Великого Беруна. А в воскресенье откроем капище.

– Вот-вот, – затряс головой господин Иванов. – Именно капище. Духовное возрождение. Вот-вот.

– Вы только, – прогудел Муромир Огляныч, доверительно склоняясь к мэрскому уху, – людей обеспечьте. Массы инертны, обыватели не любопытны...

– Не волнуйтесь, одно же дело делаем, – отечески похлопал волхва по кожаному плечу господин Иванов.

Проводив волхва, господин Иванов совсем уже было собрался отобедать. И даже уселся за накрытый расторопной секретаршей стол, на котором Бог, а точнее, теперь уже Берун послал мэру Средневожска суп по-селянски, ростбиф с жареной картошкой, бутерброд с черной икрой, салат «Весенний», два пирожных «корзинка» и чай с лимоном. Но тут вновь тюлюлюкнул селектор.

– Кто там еще? – раздраженно поинтересовался господин Иванов, с вожделием глядя на бутерброд.

– Господин мэр, там, в предбаннике, гражданин по поводу церкви.

– Какой еще гражданин?

– Назвался «отец Владимир».

– Какой еще церкви?

– Православной. Говорит – уполномочен митрополитом каким-то строить у нас храм и создавать приход.

Господин Иванов нахмурился, жестом фокусника подхватил вожделенный бутерброд, покоящийся на тарелочке с голубой каемочкой, понюхал, зажмурился и гаркнул на весь кабинет:

– Скажи – у меня обед! Пусть ждет. Или приходит завтра. Все поняла?

– Конечно, – в голосе секретарши прозвучала улыбка.

– Вот так вот, – неизвестно кому сказал господин Иванов и откусил от бутерброда изрядный кусок, аккуратно ловя падающие икринки.

Ни после обеда, ни на следующий день отец Владимир на прием к мэру не попал. Господину Иванову было некогда. Однако отец Владимир был терпелив и все же погожим субботним утром дождался мэра у дверей – господин Иванов собрался на презентацию Средневожской Ведической общины.

– Доброго дня вам, господин мэр, – отец Владимир говорил спокойно, без тени улыбки, и что-то в его голосе, какие-то нотки, заставили господина Иванова задержаться у машины и обернуться.

– Вы, простите, по какому вопросу, това... господин?

– По поводу прихода и воздвижения храма.

– А-а-а, отец... М-м-м-м... Владимир, кажется?

– У вас хорошая память.

– Вот что, – господин Иванов открыл дверцу машины. – Сейчас город в ваших услугах не нуждается. У нас уже есть... духовное возрождение. Так что всего вам. До свидания. Приходите осенью. Покумекаем.

Хлопнула дверца, черная мэрская «Волга» умчалась, разбрызгивая лужи. На голых липах орали вороны, из грязного снега на глазах вытаивали окурки.

– Что значит «в услугах не нуждается»? – глядя вслед «Волге», произнес отец Владимир. – Каких еще услугах? Ох, прости его, Господи...

Он перекрестился и пошел прочь.

– ...Скрижали мудрости наших предков! – гремел Муромир Огляныч, победно озирая ряды средневожцев, тесно набившихся в большой зал котельной, откуда еще в прошлом году были демонтированы печи и котлы.

Господин Иванов не стал лукаво мудрствовать и приказал собрать в котельной городских бюджетников, пообещав лишить отпуска и зарплаты всех, кто не придет. Явка была практически стопроцентной.

На крашенных синей масляной краской стенах котельной теперь красовались торопливо, но старательно начертанные символы Великого Головорота, а также знаки богов Херса, Орилы и Беруна. Поверху и понизу вились ведические письмена. Известный средневожский оппозиционер и автор крамольных стишков типа «Над страной дуют ветры / Да звенят стаканы./ Раньше шли мы в инженеры,/ Нынче – в наркоманы» Евсеев, учитель истории из девятой школы, невысокий человек с умным, но нервным лицом, глядя на художества Муромира Огляныча, выразился кратко и емко:

– Наскальная живопись. Первобытнообщинный строй.

Господин Иванов, Тюляпкин, два корреспондента местных газет и полная дама со средневожского радио расположились чуть в стороне, как бы наблюдая за происходящим. Волхв, расхаживая перед собравшимися, продолжал презентацию. Он говорил, говорил много и со вкусом, постепенно распаяя себя и всех присутствующих.

– Лютые вороги мечтали уничтожить нашу культуру и наш зловянский дух! Но они просчитались! Грязные наймиты мирового... хм-хм... – тут Муромир Огляныч сделал паузу, почувствовав, что его несет не туда, – ...мировой закулисы, в общем. Да, так вот – они решили, что все, конец, духовное наследие зловян, ведические сакральные тексты наши исчезли. Но нет! Чудом дошли до наших дней записи предков! Священная береста не гниет в зловянской земле-матушке. Она донесла! Она сохранила! Вот, вот они, ведические корни зловянские! Вот она, правда предков! Их глас, их обращение к нам! Внемлите же!

С этими словами волхв буквально наугад извлек из котомки на шее берестяной свиток, испещренный какими-то знаками. Не особо утруждая себя расправлением скукоженной бересты, он начал читать, завывая и взреывая:

– Предки рекут: «Напрасно забываем наши доблестные старые времена и идем куда – неведомо. А когда зрим воспять, говорим, что стыдимся ныне познавать Мавь, Бравь и Авь. И это души пращуров суть, и они светят звездами нам из Ырия-сада. Бравь же невидимо Ташц-богом положена, а за ней, как вода, течет Авь, которая и творит нашу жизнь, а когда та пройдет, наступит смерть-Мавь. Авь есть текущее, и творится Бравью, а после нее есть Мавь. До нее – Мавь и после нее – Мавь. А в Брави есть Авь». Поучимся же, братья, древней ведической мудрости и ввергнемся в нее своими душами, ибо это – наше, которое идет от богов! И вот души пращуров из Ырия смотрят на нас, и недовольны они, что мы пренебрегаем Бравью, Мавью и Авью... Пренебрегаем, да еще и глумимся над Истиной... Недостойны мы быть Ташц-божьими внуками!

По заросшим буйным волосом щекам волхва вдруг потекли слезы.

– Авь, Бравь, Мавь! – выкрикнул он и выжидательно посмотрел на толпу слушателей.

Толпа молча и с интересом ждала, что будет дальше. Муромир Огляныч сунул свиток в котомку и вытащил другой – а может, и тот же самый, поскольку свитки были совершенно одинаковыми.

– Узнайте же правду о прошлом своем! – выкрикнул он и принялся читать: «В далекие далека, когда небо было выше, а звезды больше, жили зловяне в Авье, под горой Мерой, под звездой Орилы, и говорили они на священном языке самскрит, что ныне перетолмачили в санскрит. И была в ту пору мать сыра земля пуста, и жили на ней лишь некоторые люди, малые народцы, и ютились они в пещерах, и не было у них ни огня, ни достатка, ни пищи. И вот зловяне, служители добра, вышли из-под горы Меры и покинули Авь, чтобы нести народам круга земного свет, веды и сакральные знания о мире нашем Авь-Бравь-Мавь. И главное их племя звалось русками, и дикие народы величали их – «это руски», этруски, стало быть. Было это в Апеннинской волости, и оттуда пошла цивилизация на вся земля».

Волхв помолчал, судорожно сглотнул.

– Это, простите, в каком веке было? – проскрипел в тишине голосок оппозиционера Евсева.

– Это было семнадцать тысяч лет до нашей эры, – немедленно и очень уверенно ответил Муромир Огляныч. – Тогда еще пирамиды не построили и мамонты не вымерли. Эти звери, именуемые в ведических текстах древних зловян индрами, водились у подножия горы Меры и предки наши использовали их как тягловых животных. А потом в Индии в честь мамонтов бога Индру назвали. И индрикотерия – но это уже в наше время, вы знаете. Еще вопросы?

– Вопросов больше не имею, – проскрипел Евсеев, усмехнулся, поклонился и начал выбираться из толпы.

– Тогда продолжим, братья и сестры! – привычно загремел Муромир Огляныч. – Что есть Авь? Свет! Что есть Мавь? Тьма! А что есть Бравь? Серь! То есть мы с вами, люди. И мы во славу бога нашего Беруна берем от жизни этой все, что можем и хотим! Боги с нами! Повторяйте за мной!

– Боги с нами, – нестройно подхватила толпа.

– Авь-Бравь-Мавь! – повысил голос волхв.

– Авь! Бравь! Мавь! – заголосила толпа уже куда слаженнее.

Муромир Огляныч довольно ослабил и вдруг закружился на месте, раскинув руки, отчего полы его кожаного плаща разлетелись, словно крылья.

– Авь! Бравь!! Мавь!!! – загремело под сводами котельной.

– Слава Беруну! – рявкнул волхв.

– Слава! Слава Беруну! – вторила толпа.

– Подходите, – Муромир Огляныч широким жестом указал на столы с разложенными брошюрками «Во славу Беруна». – Берите, читайте. Просвещайтесь! Знания предков! Сакральные Веды! Две тысячи за книгу!

– Дорого что-то, – донеслось из толпы.

– Ради истинных знаний и памяти пращуров никаких денег не жалко! – отрезал волхв.

Народ попереглядывался и потянулся к столам. Смятые купюры дождем посыпались в ящик с надписью «Казна общины». Господин Иванов удовлетворенно улыбнулся и в сопровождении водителя направился к выходу. За возрождение духовности в Средневожске отныне можно было не опасаться.

Воскресное утро выдалось солнечным. Снег продолжал радостно таять под лучами Орилы. По улицам Средневожска на капище спешили нарядно, в формовки, дубленки и свингеры, одетые горожане в сопровождении женщин и детей. Старая котельная на этот раз не смогла вместить всех желающих, и народ толпился вокруг, оживленно переговариваясь. Слышались возбужденные голоса:

– Я вот всю ночь читал – нам в школе-то все врал!

– Да уж... Испания и Франция – это ж Русь, оказывается! Из Бания, жаркая страна, и Вранция – жуликоватый там народишко жил.

– Ага, а потом сюда переехал.

– Цыц ты!

– Ты там про Древний Рим-то читал? Я ж тысячу раз видел это имя, но не догадывался, что Юлий Цезарь – это Улий Це Зарь, император наш, зловянский!

– И Сто Крат, и Плод Он, и Ори Сто Телей – зловяне все. Философы!

– Без нас никакой цивилизации бы не было, точно говорю. Никакой...

На середину главного зала котельной вышел Муромир Огляныч. Был он сосредоточен и просветлен настолько, что слегка покачивался, распространяя густой дух сакральной квасуры. За ночь рисунков и ведических надписей на стенах заметно прибавилось, а на самом почетном месте красовался грубо вырезанный из доски лик Беруна, раскрашенный гуашевыми красками.

– Братья и сестры! Общинники! – заговорил Муромир Огляныч, озирая собравшихся. – Сегодня, не побоюсь этого слова, знаменательнейший день. Впервые в Средневожске мы с вами проведем сакральный обряд поклонения нашим исконным богам, и замкнем круг времен, протянув руку нашим великим предкам. Авь-Мавь-Бравь!

– Авь-Мавь-Бравь! – уже привычно подхватила толпа.

– О Берун громоносец, забери наши беды! – завопил волхв, размахивая руками. – Яви нам милость свою! Авь-Мавь-Бравь!

– Авь-Мавь-Бравь!! Авь-Мавь-Бравь!!!

Не переставая выкрикивать сакральные и, безусловно, ведические слова, Муромир Огляныч сместился к столу, сунул руку под столешницу. В полутемном помещении бывшей котельной внезапно вспыхнуло не менее десяти мощных ламп. Господин Иванов усмехнулся уголками губ – электрическое чудо было подготовлено ночью силами горкомовского электрика Михалыча.

Эффект, однако, оказался поразительным – толпа ухнула и завывала от восторга.

– Явил! Явил милоту свою Берун-заступник! – радостно возопил Муромир Огляныч. – Бог наш! Отец! Надежа! Авь-Мавь-Бравь! Авь-Мавь-Бравь!

По знаку волхва смотрящая на него счастливыми и почти влюбленными коровьими глазами дама с радио включила магнитофон. Помещение капища наполнили звуки музыки. Вскоре к ним присоединились и слова. Несколько женских голосов исполняли некую ораторию. Внимательный и образованный слушатель без труда опознал бы в ней видоизмененный гимн панславянизма «Гей, славяне!», но таковых в бывшей котельной не нашлось – оппозиционер Евсеев не соизволил почтить открытие капища своим присутствием.

Гей, зловяне, наше слово
Песней звонкой льется,
И не смолкнет, пока сердце
За народ свой бьется.
Дух зловянский жив навеки,
В нас он не угаснет,
Беснованье силы вражьей
Против нас напрасно.
Против нас хоть весь мир, что нам!
Восставай задорно.
С нами Рот наш, кто не с нами –
Тот падет позорно.

– Падет позорно! – погрозил кому-то кулаком Муромир Огляныч. Толпа внимала и согласно кивала – конечно, падет. Еще как падет. А мы поможем.

Господин Иванов украдкой зевнул и подумал, что хорошо было бы сейчас не торчать тут, возрождая духовность, а уединиться в кабинете с секретаршей Зинаидой Викторовной, которая тет-а-тет превращалась в Зинулю, и как следует отдохнуть от праведных трудов.

События между тем шли своим чередом.

– А сейчас кандидат в волхвы Славомудр, бывший Геннадий Семенович Тюляпкин, исполнит сочиненный им гимн во славу нашей Великой и Священной Ведической общины, во славу Беруна и Тащ-бога! – провозгласил Муромир Огляныч.

Славомудр-Тюляпкин вышел на середину капища, рядом с ним встал известный в городе бард Огуревич с гитарой наперевес. Заместитель мэра достал листок со стихами, кивнул барду, и они нестройно, но очень искренне, на мотив одной из песен Цоя, запели:

*В одной руке меч, в другой руке щит,
И череп врага под ногою трещит!
Под стягом Зворога, под ликом Орилы
Любого хазара поднимем на вилы!
Летит над полями, свободен, как гусь,
Клич нашей зловянской общины: «Русь!!!»
Арийское солнце восходит над миром,
Наш путь предначертан Оскольдом и Дыром.
Волхвы завещали нам тайные веды,
В них знания предков и пламя победы.
Могучие длани над миром простер
Берун, что возжег в нашем сердце костер.
Мы дети Тащ-бога, мы Херса сыны,
Мы духом и телом зловянским сильны!*

Общинники захлопали. Муромир Огляныч четырежды, по-зловянски, обнял Славомудра-Тюляпкина и Огуревича, едва не сломав гитару.

– А теперь, братья и сестры, разоблачайтесь! – объявил волхв, почему-то посмотрев на полную даму с радио.

– Это зачем это? – поинтересовались из толпы.

– Будем наносить на тела сакральные ведические знаки, чтобы, когда требы возлагать начнем, Бог наш Берун опознал своих, – солидно пояснил Муромир Огляныч, беря банку с краской и кисточку. – А кто без знаков будет, того молонья небесная покарает.

Общинники, переглядываясь и похихикивая, начали снимать верхнюю одежду.

– А как раздеваться-то? – спросил кто-то. – По пояс?

– А женщинам как?

Волхв успокаивающе поднял руку.

– Объясняю! Ведические знаки наносятся на грудь, живот и ягодицы. Стало быть, раздеваться нужно полностью. Отриньте ложный стыд – по воле Тащ-бога нагими мы приходим в мир и нагими уходим. Не толпитесь, братья и сестры, никого не пропущу, всех осчастливлю – во славу нашего бога Беруна!

– Здесь Бога нет.

Фраза, сказанная негромко, неожиданно была услышана всеми. В капище воцарилась напряженная тишина. Полуголый народ раздался, с любопытством глядя на отца Владимира, стоящего в дверях. Священник был в черной рясе, с серебряным крестом на груди. Он прошел от двери к столу и повернулся к общинникам, многие из которых успели раздеться до нижнего белья.

– Что ж вы творите, люди? – спросил отец Владимир. – Это же... грех и скотство.

– А ты кто такой? – Голый кандидат в волхвы Славомудр-Тюляпкин сбоку подскочил к священнику и навис над ним, словно подъемный кран. – Кто тебя сюда звал?

– Господь мне указал, где мое место, – спокойно произнес отец Владимир. – И вижу я, что явился вовремя.

Господин Иванов поморщился. Настырный священник явно был сейчас не к месту – многие женщины уже дошли до лифчиков, и буквально через минуту могло случиться прогрессивное действие под названием «сеанс группового стриптиза».

– А-а-а, поп! – Муромир Огляныч поставил баночку с краской и угрожающе потер руки. – Вы, попы, и есть главный корень зла! На наше священное, сакральное капище явился? Богов наших хулить?

– Нет здесь богов, – покачал головой отец Владимир. – Ибо сказано в Писании: «Служение идолам, недостойным именованию, есть начало и причина, и конец всякого зла, ибо они или, веселясь, неистовствуют, или прорицают ложь, или живут беззаконно, или скоро нарушают клятву. Надеясь на бездушных идолов, они не думают быть наказанными за то, что несправедливо клянутся. Но за то и другое придет на них осуждение, и за то, что нечестиво мыслили о Боге, обращаясь к идолам, и за то, что ложно клялись, коварно презирая святое».

– Что ты там бормочешь? – зарычал волхв. – А ну-ка, братья и сестры – выкинем попа из капища священного!

Общинники снова начали переглядываться. Отец Владимир побледнел, ухватился за край стола и повысил голос:

– Вы что же, люди, не видите, что это жулик? На доске, – священник указал на лик Беруна, – уroda вырезал, а вы и рады. В Библии же сказано: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня».

– Он еще грозитя! – закричал Славомудр-Тюляпкин, потрясая костлявыми кулачками. – Бей его!

Толпа тревожно загудела и надвинулась на отца Владимира. И было бы тут столпотворение и даже побоище, если бы не вмешательство третьей силы, а именно – электричества. Сделанная на скорую руку, наспех, то есть кое-как, проводка не выдержала напряжения, и изоляция на проводах начала плавиться.

Свет замигал, погас, сыпанули искры, и сразу же вспыхнул бархатный занавес со звездами. Люди закричали, устремляясь к выходу. Огонь быстро перекинулся на шкафы и стулья, пополз по стенам.

Господин Иванов вместе с голым Славомудром-Тюляпкиным оказался в первых рядах бегущих, а за ними валили обезумевшие от ужаса общинники. Густой, едкий дым заволок все вокруг, и в нем трудно было понять, где выход.

Очувтившись на улице, то есть в безопасности, господин Иванов занялся тем, что любил и, как он думал, умел – принялся руководить.

– Эй, там! Ноль один позвоните! И в милицию! Ну, быстро, быстро! – кричал он, тыча толстым пальцем в толпу. – Женщин вперед пропустите! И детей! Тюляпкин... тьфу ты, Славомудр! Что ты ботинок в руке держишь? Надень его.

Кандидат в волхвы заскакал на одной ноге, послушно натягивая на голую ногу чей-то ботинок. Из дверей и окон котельной валил дым, прошитый острыми языками пламени.

– Так, все целы? – спросил господин Иванов.

– Волхва нет, – сказал кто-то.

– И этого... с крестом. Священника, короче.

На лице господина Иванова образовалась унылая гримаса. Пожар в культовом здании, да еще и с человеческими жертвами – это грозило потерей мэрского кресла.

– Кто-нибудь... Славомудр! Иди туда. Посмотри, – господин Иванов кивнул на дверь. Славомудр-Тюляпкин сделал пару неуверенных шагов в сторону котельной и остановился.

– Ну?!

– Не могу, – выдавил заместитель мэра. – У меня фаерофобия.

– Чего-о? – не поверил господин Иванов.

– Боязнь огня. С детства. Я в газете «Спид-инфо» прочитал – оказывается, есть такая болезнь.

– Они ж там сгорят! – закричала какая-то женщина, судя по голосу, полная дама с радио. – Сделайте что-нибудь.

– Да, сгорят, точно, сгорят, – закивали в толпе, однако желающих идти в огонь и дым не нашлось.

Послышалась сирена пожарной машины, и все облегченно выдохнули – вот сейчас специально обученные люди все сделают, как надо.

– Битум на крыше горит! – закричал один из прибежавших на пожар мальчишек.

Котельная и в самом деле уже вся была охвачена пламенем. Шансы на то, что Муромир Огляныч и отец Владимир живы, таяли с каждой секундой.

– Ну что вы копаетесь! – заорал господин Иванов на пожарных. – Идите туда! Быстро!

Но в тот день пожарным не было суждено проявить мужество и героизм, так свойственные людям этой нелегкой профессии. Едва командир расчета с брандспойтом на плече двинулся к дверям, из клубов дыма возник узнаваемый силуэт потомственного волхва и кудесника Муромира Огляныча. Шел он, однако, не сам – под плечо его поддерживал и помогал двигаться отец Владимир.

Увидев, что огонь остался позади, священник толкнул Муромира Огляныча на руки пожарных, а сам на мгновение застыл на пороге горячей котельной.

– Слава Беруну, живы, – пробормотал господин Иванов, утирая трудовой пот со лба.

В это мгновение отец Владимир покачнулся, взмахнул руками и упал назад, в дым и пламя. И тотчас же крыша бывшей котельной обрушилась, вышибив из окон и дверей широкие столбы черного дыма, перемешанного с пеплом и искрами.

В толпе страшно закричали. Подъехала скорая помощь, и ее пронзительная сирена внесла еще больший хаос в происходящее. Пожарные дали воду и принялись заливать горящие руины. Господин Иванов протиснулся к «Волге», упал на заднее сиденье и прохрипел водителю:

– В мэрию...

Господин Иванов метался по кабинету, словно загнанный зверь. Его гнев уже испытали на себе кожаное кресло и хрустальный графин. Кресло с честью выдержало удары слабых кулачков мэра, а вот графин сплюхнул и после точного броска об стену разлетелся вдребезги.

– Гнида! – рычал господин Иванов, имея в виду проклятого волхва. – Кудесник хренов! Заморочил! Задурил! Берун чертов!

Он с удовольствием высказал бы все это Муромуру Оглянычу прямо в его светлый лик, заодно еще и бороду бы выдрал, а вдобавок засадил хотя бы на пятнадцать суток за... да начальник Средневолжского УВД полковник Андреев придумал бы, за что. Но хитроумный ведический злоянин умудрился буквально испариться, сбежав прямо из машины скорой помощи. В качестве трофеев остались войлочная шапочка с опаленной кисточкой и десяток брошюр «Во славу Беруна».

Несостоявшийся волхв и бывший Славомудр Тюляпкин тихонько сидел в углу кабинета и молчал, ожидая, когда его шеф выдохнется.

– Сразу надо было его брать! – рычал мэр. – А сейчас ищи ветра в поле. Завтра Самому докладывать – и что я скажу? Вместо возрождения духовности – пожар, материальный ущерб, да еще поп этот погиб... Надо было мне разрешить ему церковь строить! Ты что молчишь, а?!

– Надо было, – хрипло ответил Тюляпкин, глядя в пол.

– Так почему ты меня не переубедил?! – снова взорвался господин Иванов.

Тюляпкин развел руками.

– Я ж не знал...

– Знать надо было!! – заорал мэр. – Все, иди с глаз. А я заболею, пожалуй. На пару недель. Может, пронесет.

Тюляпкин выскользнул из кабинета. Господин Иванов устало рухнул в кресло, посмотрел на календарь, прикидывая дни «болезни» и в какую больницу ложиться – в Первую городскую или в Железнодорожную.

Но болеть ему не пришлось. В кабинет вошла многоопытная секретарша Зинуля, в официальной обстановке – Зинаида Викторовна, и, понизив голос, сказала:

– К вам иностранец.

– Какой еще иностранец? – вытаращился господин Иванов.

– Говорит – слуга единственного и истинного Бога.

– Бога?! Зови, зови... – Мэр оживился и зачем-то принялся приглаживать волосы. – Ну, быстро!

Господин Иванов в эту секунду был уверен – удача все же на его стороне и уж сейчас-то он точно решит все проблемы по «возрождению духовности» во вверенном ему городе.

Посетитель действительно оказался человеком очень экзотической внешности – смуглый, с тонким выдающимся вперед носом, в черной чалме и просторном, тоже черном, одеянии.

Церемонно поклонившись, он тихим, проникновенным голосом, на хорошем русском языке с едва заметным акцентом, поинтересовался здоровьем господина Иванова, его семьи и близких. Речь посетителя была умащена многочисленными стилистическими оборотами и струилась, словно шампанское на Новый год – играя на свету, шипя и пенясь.

Нескоро, но господин Иванов таки выяснил, что зовут странного гостя Мухаммад Духул и что прибыл он в Средневожск аж из самой Саудовской Аравии с целью приобщить население города и района к самым истинным и правильным духовным ценностям, какие только есть на земле.

Религия, которую представлял Мухаммад Духул, именовалась по-арабски цветисто: «Аль-ваххабия». Суть ее, как понял в двух словах господин Иванов, заключалась в следующем: нужно соблюдать таухид², практиковать только правильный таввасуль³, совершать макрух⁴ празднования дня рождения пророка Мухаммада, а также отвергать биду⁵.

– Вот это правильно! – ухватился за знакомое слово мэр. – Беду мы все отвергаем! Вне зависимости от убеждений и конфессий. Церковь будете строить, уважаемый Мухаммад?

На смуглое лицо «отвергателя биды» набежала легкая тень.

– Зачем церковь? Мечеть. И медресе при ней. Молодежь будем учить вере предков. Возрождать духовность.

– Ну и хорошо, – обрадовался господин Иванов, уже прикидывая, что он доложит Самому. – Духовность в наше время – это главное! Землю вам выделим в центре города, со стройматериалами поможем, с техникой... А чего экономить? В общем – в добрый путь!

² Таухид – вера в единого Бога в исламе.

³ Таввасуль – религиозная практика, в которой мусульманин ищет близость к Аллаху. Ваххабиты отрицают все таввасуль, связанные с поклонением могилам святых.

⁴ Макрух – порицание в исламе. Ваххабиты считают, что праздновать день рождения пророка Мухаммада не верно.

⁵ Бида – нововведения в исламе.

Эпилог

Муттаваины за ноги протащили по улице тело казненного. Скрюченные пальцы скребли пыль, оставляя в ней глубокие борозды, мотались на кочках; вместо головы торчал черный обрубок шеи – сплошное месиво уже запекшейся крови. Рубашка на мертвеце задралась, был виден серый живот и черная татуировка – что-то скандинавское, какие-то узоры, переплетенные с деревьями, рептилиями и обнаженными женщинами.

Чужак, невесть как пробравшийся через блокпосты и заставы Самарской линии обороны Средневожского вилаята, скорее всего не был лазутчиком или диверсантом. Но он попался патрулям, был доставлен в «черный суд», где строгий кади велел снять с пленника одежду. Татуировки сказали о несчастном больше, чем его язык, а приговор у «черного суда» был всегда один: декапитация. Седой Халеб, главный палач муттаваинов, отрубил голову несчастного одним ударом арабской сабли, привезенной из далекого Эр-Рияда.

Али-Иван вздохнул, проводил муттаваинов тяжелым взглядом и запер дверь. Чтобы дойти до дороги, нужно было перешагнуть через кровавые полосы, оставленные в пыли трупом. Еще пять лет назад это стало бы для Али-Ивана препятствием, а сейчас он без колебаний пересек улицу, обогнул закопченные руины школы и через Больничный пустырь вышел на Северную дорогу, пересекающую весь Эль-Дахар, некогда именовавшийся Ленинским районом города Средневожска. Теперь город выглядел совсем не так, как во времена, когда господин Иванов, ныне бригадир мусорщиков Али-Иван, был его мэром.

Небо сегодняшнего Средневожска пронзали тонкие пики минаретов. Над зданием шариатской милиции кружил вертолет. Статуя Кирова лежала в канаве возле ограды бывшего ЗВТ – Завода вычислительной техники. Голова изваяния была расколота, черты лица сбиты, но широкая ладонь упрямо торчала из кучи мусора и прошлогодней листвы, словно поваленный истукан просил милостыни.

Заборы и стены ближайших домов пестрили лозунгами на арабском, восхваляющими Мухаммада Духула, человека, создавшего в этой варварской стране вилайт во славу Единого Бога.

Али-Иван шагал по обочине. Город постепенно отставал, уползая назад. Редкие прохожие, в основном женщины в черных паранджах или серых никабах, увидев мужчину, переходили на другую сторону дороги.

Тусклое осеннее солнце, растрескавшийся асфальт, вытянутые силуэты тополей. Сухая листва, мусор, пыль. На мгновение Али-Ивану показалось, что он вернулся в детство. Вот по этой дороге, тогда называвшейся «Объездное шоссе», они с друзьями бегали на Длинное озеро ловить сорожек. По пути собирали дикарку, грызли сочные стебли, плевались и изображали ковбоев...

Али-Иван испуганно оглянулся, словно бы кто-то мог подслушать его мысли. Из-за поворота выехал грузовик, украшенный черными флагами с изречениями из «Книги Шейха», остановился возле Али-Ивана, обдав его пылью. Водитель, пожилой мужчина по имени Тюляп, некогда, в другой жизни, работавший заместителем Али-Ивана, а теперь кое-как управляющийся с грузовиком, коротко кивнул. Али-Иван забрался в кабину, с трудом захлопнул перекошенную дверцу, ругнулся было, но тут же сложил ладони перед собой и быстро прошептал шахаду.

Грузовик тронулся в сторону свалки. Через полчаса Али-Иван уже сидел в своей пропахшей гнилью и уксусом будке. Он записывал в журнал номера самосвалов с мусором, отмечал количество рейсов и изредка переговаривался со старшим сортировщиком, сутулым парнем по имени Хамиз. Тот приходил в будку бригадира, если находил в мусоре что-то интересное. Что-то, что можно было бы продать через Рыжего Асрама.

– Уважаемый, – Хамиз в очередной раз просунулся в будку, стянул с лица повязку и оскалил кривой рот в ухмылке, – идут самосвалы с Шестого микрорайона. Там начали разбирать развалины на месте Старой котельной. Посмотрите, что нашли мои люди.

Он протянул Али-Ивану что-то плоское, какой-то предмет, обернутый в грязный пластиковый пакет.

Не спеша закрыв журнал, Али-Иван снял очки для письма и внимательно посмотрел на Хамиза.

– Это – харам⁶?

– Да, уважаемый, – кивнул сутулый. – Но это...

– Ты что, не знаешь, – не повышая голоса, произнес Али-Иван, – что любой харам подлжит немедленному уничтожению? Забыл, что говорил мулла Юсуф?

Хамиз дернул плечом, испуганно посмотрел в глаза Али-Ивану.

– Не бойся, тебя не накажут, – махнул рукой Али-Иван. – Ступай, едут новые самосвалы. А харам оставь здесь. Я сам сожгу его.

Хамиз обрадованно кивнул и выскочил из будки. Проводив глазами его нескладную фигуру, Али-Иван поднялся, подошел к предмету, оставшемуся лежать на лавке у входа, и стащил с него пакет.

На него внимательно и словно бы с укором посмотрел резной лик громовержца Беруна. Али-Иван поднял руку к глазам, да так и застыл, не в силах оторвать взгляд от закопченной, грубо раскрашенной доски. Прошлое внезапно обрушилось на него, как ночная гроза, и грохот бульдозера со свалки показался Али-Ивану раскатами грома.

– Господи... – прошептал Али-Иван, пошатнувшись. – Прости нас... мы не ведали, что творили...

И он даже занес руку, собрав пальцы в щепоть, но тут с минарета Восточной мечети до его слуха долетел тонкий, пронзительный голос муэдзина, призывающего правоверных на полуденный зухр⁷.

Али-Иван отбросил доску с ликом Беруна в угол, достал из ящика стола коврик, расстелил на полу, опустился на колени, уткнулся лбом в грязную матерю. Губы его шевелились, привычно повторяя за муэдином: «Ашхаду ал-ля иляха илля-Ллах⁸», но в голове набатом звучали слова, сказанные двадцать с лишним лет назад смуглому человеку в восточной одежде: «В добрый путь!»

⁶ Харам в шариате – запретные действия и вообще все запрещенное.

⁷ Зухр – полуденная четырехкратная молитва мусульман, входит в число пяти обязательных ежедневных молитв.

⁸ «Я свидетельствую, что нет другого бога, кроме Аллаха» (араб.), текст обязательной молитвы в исламе.

Дмитрий Казаков. Благое дело

Сначала Мирко увидел след: неровную разбросанную полосу отпечатков и... багровые, почти черные капли на траве.

Кто-то шагал через березняк, шатаясь, приволакивая ногу и истекая кровью.

Пройдя по следу с сотню сажений, Мирко услышал, а потом и разглядел чужака. То, что перед ним чужак, он понял сразу – подобной одежды в деревне не носили, да и с таким огромным заплечным мешком никто в лес не отправится.

«Встретил незнакомца – спрячься и сиди тихо!» – этому детей учили с пеленок, и волхв-наставник не забывал повторять эту фразу, добавляя, что за пределами леса живут либо крестоносцы, готовые на все, даже на убийство, чтобы уничтожить истинную веру, либо отвратительные атеисты.

Мирко как-то спросил, кто это такие, и получил ответ, что жуткие и опасные слуги Чернобога. С тех пор у него в голове поселился образ человекоподобных уродов с лягушачьей кожей, рогами лося и волчьей пастью.

Так что, увидев чужака, он бесшумно отступил в сторону, присел на корточки за разлапистой елью.

Высокий, крепкий дядька, одетый сплошь в зеленое – разводы и пятна разных оттенков, как раз остановился. Застонал, прижав руку к боку, и повалился на спину, только зашелестел сломанный папоротник.

Мирко шмыгнул носом, раздумывая, что делать... ничего себе, набрал грибов.

Рогов у чужака нет, так что вряд ли он атеист, крестоносца из учебника он напоминал мало, не хватало горящего факела, ну а бросать раненого человека в лесу... Мирко это казалось неправильным, боги за такое не похвалят, разве что Ящер обрадуется.

Да и любопытство его разбирало.

Пробормотав молитву Роду и берегиням, чтобы сохранили от всякого зла, Мирко отставил корзинку и скользнул вперед. Через миг очутился рядом с чужаком, увидел смуглое лицо, длинный нос, уловил тяжелое, прерывистое дыхание.

Куртка на правом боку незнакомца оказалась разодрана, там набухало мокрое темное пятно.

– Мальчик... – загляделся, не заметил, как чужак открыл глаза, и, услышав голос, Мирко вздрогнул.

Накатило паническое желание убежать, но он с ним справился.

Тринадцать лет, почти мужчина, не к лицу трястись как осиновому листу.

– Мальчик, – повторил чужак. – Как... тебя... зовут?

Удивительно, но слова его звучали понятно, хотя каждому известно, что атеисты и крестоносцы, а также прочая нечисть, живущая за пределами леса, способна только на злобное бормотание.

– Мирко... Мирослав...

– Помоги мне, мальчик, – сказал чужак, сияясь улыбнуться. – Кабан попался... Подранил, сволочь...

Ну да, если встретил секача в чащобе, то быстрее лезь на дерево и молись всем богам. Так что дядька молодец, остался в живых, сумел увернуться, пережил нападение, а потом еще и спрятался так, что зверь его не добил.

– Меня Ринат зовут, – добавил чужак. – Помоги...

Глаза у него были темные, их застилала боль, на подбородке серебрилась щетина.

Мирко помедлил, не зная, как поступить, но только на миг... помочь другому – благое дело, все так говорят, от тетки Светланы до верховного волхва Огнеяра.

– Вы сможете идти? – спросил он. – Тут деревня недалеко... там лекарь...

Мысль о том, что можно сбегать за помощью, почему-то не заглянула Мирко в голову. Так что он подхватил дядьку Рината за локоть, затем за талию, и тот с глухим стоном уселся.

Так, теперь избавиться от тяжеленного заплечного мешка, с ним точно ничего не выйдет. За мешком и за корзинкой с парой подберезовиков и одним подосиновиком можно вернуться позже.

А сейчас осторожно, чтобы не потревожить собственную левую руку...

Чужак был невероятно тяжелым, шел с трудом, шатаясь, и, судя по тому, как кривилось белое лицо, испытывал страшную боль. Поначалу Мирко казалось, что тот вот-вот упадет, не выдержит, но они делали шаг за шагом, шаг за шагом, и пусть не быстро, но двигались куда надо.

– Держись, дядька Ринат, – подбадривал он, а про себя молился Перуну, чтобы тот дал сил и стойкости, ну а еще раздумывал, откуда взялся чужак.

Когда лес отступил и впереди, за полем с несжатой еще рожью, показалась деревня, Мирко едва не закричал от радости.

Родовые дома, длинные и низкие, с мхом на крышах, правее капище, торчат изваяния богов, похожие на огромные толстые пальцы, за ними столбы поменьше, на которых вырезаны лики пращуров, что следят за потомками, наблюдают даже из Ирия... На другой стороне река, на ней мельница, рядом луга, где пасутся коровы под присмотром дядьки Громодера.

Еще немного, с версту, и он дома.

Там помогут! Там все будет хорошо!

На околице Мирко встретил кобель Буран, черный, с белыми пятнами на морде и шее. Замахал куцым хвостом при виде своего, а чужака на всякий случай обнюхал и побегал рядом.

Деревня выглядела пустой, оно и понятно – народ на сенокосе.

И Мирко там должен быть, да руку вчера потянул так, что за косу не возьмется, вот и отправила его тетка Светлана в лес... Тетка Светлана – она в родовом доме Медведя старшая, следит за порядком, чтобы все по Покону было, чтобы никто обрядов не пропускал и без дела не болтался.

А еще она ему вместо матери, уже десять лет.

И она должна быть в деревне.

– Тетка Светлана! – закричал Мирко, затаскивая чужака на крыльцо. – Помогите!

Послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, и тетка Светлана возникла на пороге: маленькая, русоволосая, с круглым лицом в родинках и вечной озорной улыбкой. Только улыбка эта миг исчезла, а синие глаза старшей сделались большими, удивленными и даже сердитыми.

– Кто это? Где ты его взял? – затараторила она.

– Ну это... дядька Ринат... в лесу... кабан его... – забормотал Мирко растерянно.

– Давай, клади на лавку, – буркнула тетка Светлана и, отступив на шаг, бросила в сторону начавшего рычать Бурана: – Ты еще мне тут погавкай, рожа мохнатая! А ну цыц!

В голосе ее прозвучала злость.

Мирко вошел в сени, осторожно посадил чужака на широкую деревянную лавку. Рука дядьки Рината безвольно соскользнула с плеча мальчишки, а потом он и сам мягко завалился на бок, потеряв наконец сознание.

А тетка Светлана повела себя странно.

Пальцы ее, быстрые и ловкие, расстегнули пуговицы на вороте зеленой куртки в пятнах, затем на рубаше. Открылась загорелая шея, поросшая черным волосом грудь.

– Креста нет, – проговорила старшая. – Слава Роду!

Мирко нервно моргнул... о чем она?

Да, он видел рисунок крестоносцев в учебнике, но там они несли огромный крест... такой издалека видно!

– Ты нарушил Покон, – сказала тетка Светлана, поворачиваясь к Мирко, и плечи его поникли.

Ну да, древний мудрый «Покон свободного русича-ария», то ли дарованный богами, то ли пришедший от великих предков, все говорили по-разному, но в любом случае незыблемый и священный для любого жителя деревни.

– Поэтому будешь наказан. Пойдешь в капище и замолишь свое прегрешение, – продолжила она. – Только сначала заглянешь к волхву Здравобору, пригласишь его к нам, все ему расскажешь.

Мирко кивнул.

– Тогда поспеши. Раз уж взялся спасти этого... это существо... то спасай.

Он кивнул второй раз и, выскочив из дома, понесся по улице; Буран с радостным лаем рванул следом.

У лекаря, как и прочих волхвов, было отдельное жилище, его маленький дом стоял у самого кладбища. Тут под навесом всегда сушились травы, а из дверей пахло очень странно, так резко и сильно, что хотелось чихать.

Мирко постучался, и Здравобор, высокий, сгорбленный, с седой бородкой, вышел на порог.

– Чужак... – протянул он, выслушав запыхавшегося мальчишку. – Недобрая весть. Ладно, я подойду.

Он шагнул обратно в сумрак жилища, а Мирко, повесив голову, побрел в сторону капища. Оставил позади кладбище, где среди прочих лежат родители, ушедшие в Ирий той суровой зимой, когда гневались боги.

Хотел было заглянуть на могилу, но потом решил, что нет, сначала надо отбыть наказание, а то нехорошо...

Замолить прегрешение – это не просто отстоять молитву перед каждым из ликов Триглава, ее еще нужно сопроводить пощечинами самому себе, да такими сильными, чтобы слезы брызнули.

«Гордые русичи никому не позволяют себя бить, – всегда говорил верховный волхв. – Кроме богов».

И пусть его сейчас в капище нет, и вообще там пусто, но прашуры смотрят, да и небожители наблюдают зоркими духовными очами, так что и речи нет о том, чтобы схалтурить, обмануть не тетку Светлану, а свою совесть...

Вступив в круг из деревянных изваяний, Мирко отвесил поясной поклон.

Вот он, Триглав, Род-Предвечный, Макошь-Родительница, Перун-Воитель. Поднимаются в небеса, подперты по бокам другими статуями: Симаргл, Сварог, Ярило, Дажьбог, Лель...

На сердце потеплело, как всегда в капище, накатила радость.

Опускаясь на колени перед Родом, Мирко знал, что замолит прегрешение, накажет сам себя, и все будет хорошо.

Дядьку Рината уложили поправляться в старой бане.

Новую в травень поставили, а прежнюю, покосившуюся да со сгнившими понизу венцами, пока не разобрали.

«С русичами его оставлять нельзя», – сказал волхв Огнеяр, вернувшись с сенокоса.

Мирко тогда еще удивился, почему, но тетка Светлана объяснила, что чужак, если судить по имени, не арийской крови, а еще может оказаться врагом, соглядатаем, присланным от крестоносцев или атеистов, чтобы все в деревне разглядеть и узнать.

«А ты за ним присмотришь, – решил Огнеяр. – Раз уж ты его к нам приволок».

Мирко задание сначала показалось в тягость – еще бы, сидеть в старой бане рядом с взрослым, да еще и незнакомцем, таскать воду, повязки на ране менять, поганое ведро выносить да следить, чтобы раненый снадобья вовремя принимал.

Но дядька Ринат оказался крепок, к вечеру очнулся, сам до ветра вышел, а на рассвете проснулся едва не здоровым.

– Доброе утро, – сказал он, когда Мирко заглянул в баню. – Ты меня спас? Верно?

– Ну да... – отозвался мальчик, неуверенно топчась у входа.

А вдруг и вправду атеист, обернется рогатым или зубастым чудищем и набросится? Или крестоносец, как выхватит горящий факел или начнет читать молитвы своему злобному, кровожадному богу?

– Спасибо, Мирослав, – слова эти прозвучали очень серьезно, а еще дядька Ринат протянул руку.

Мирко не сразу понял, что от него надо, а когда понял, не сразу решился пожать ладонь чужака. Но потом у него от сердца отлегло – всем известно, что порождения зла на благодарность не способны.

– А где я? – спросил дядька Ринат, когда и повязка на ране оказалась сменена, и принесенный Мирко завтрак уничтожен.

– У нас. В деревне.

– А как она называется?

– Ну просто... деревня... – Мирко пожал плечами. – Община свободных русичей.

Последнюю фразу слышал от кого-то из взрослых, и очень уж она ему понравилась.

Дядька Ринат хмыкнул, почесал щеку:

– А другие деревни ты знаешь?

Мирко помотал головой, отбарабанил как на уроке у волхва-наставника:

– Есть только одно место, где человек может жить под сенью истинной древней веры, и оно – там, где мы.

Дядька Ринат хмыкнул снова, черные глаза его недоверчиво блеснули:

– То есть вы с внешним миром не общаетесь? Телевизор? Сотовый? Радио? Газеты?

Мирко только глазами хлопал и башкой мотал, слушая незнакомые слова.

– Книги? – почти безнадежно спросил чужак, и мальчик оживился.

– Да, конечно! – воскликнул он и гордо продолжил: – Мы тут все умеем читать! Русичу боги велят быть грамотным! У волхва-наставника много что есть, и «Велесова книга», и «Арийские веды», и «Славянские руны», и сказки брехуна Никития о предках... А еще у лекаря тоже, но он свои книги никому не дает!

Дядька Ринат спрятал лицо в ладони и всхлипнул, то ли заплакал, то ли засмеялся.

– Что? – спросил Мирко обиженно.

– Все хорошо, забудь об этом, – чужак убрал руки, и стало видно, что он улыбается, а глаза его сухие.

– А вы откуда?

– Я? – Дядька Ринат вновь поскреб щеку. – Как бы тебе объяснить. Вот смотри...

И через несколько фраз челюсть у Мирко отвисла, а глаза сами собой вытаращились. Ну ладно, пусть будет другая деревня, где-нибудь далеко-далеко, в ином лесу, но чтобы в одном доме жили сотни человек... если их тут под окном Хорса всего двести пятнадцать?

Чтобы повозки двигались, без лошадей, но пожирали волшебную жидкость под названием «бензин»? Чтобы картинки из далеких мест появлялись прямо на стене, печи топили не дровами, а горячей водой, одежду не шили, а добывали в некоем месте под названием «магазин»?

– Вот бы у нас был такой магазин, – вздохнул Мирко завистливо.

– Так он должен быть, – сказал дядька Ринат. – Ножик вон у тебя на поясе... Неужели сами сделали?

– Нет! Это волхв Огнеяр у богов выпросил! – заявил Мирко гордо. – Он может! Запретное Капище в Запретном Лесу для того построено, чтобы подобные вещи добывать! А расскажите еще что-нибудь!

Чужак вновь недоверчиво хмыкнул, но отказываться не стал, заговорил о некоей штуке под названием «Интернет», где и миллионы книг разом, каких хочешь, и всякие картинки, и поговорить можно даже с тем, кто от тебя в тысяче верст, и непонятно как влезшие туда магазины!

Мирко слушал, покачивая головой, и ему казалось, что он весь целиком, по макушку в сказке.

* * *

Из бани дядька Ринат смог выйти к вечеру.

Кривясь, поругиваясь через стиснутые зубы, но собственными ногами, почти не опираясь на палку.

– Ну что, демонстрируй, как вы тут живете, – попросил он, и Мирко повел чужака по деревне.

Показал родовые дома Медведя, Лося, Кабана, одинаковые, за исключением резных знаков над дверями. При виде капища дядька Ринат головой покачал и даже присвистнул, а оживился, когда они проходили мимо кузни, около которой валялась куча ржавого железа.

– Плуг прямо на месте сковали? – спросил он. – Верю. Но там же металлолом... Откуда он у вас? Трубы водопроводные? Листы кровли!

Мирко никогда не задумывался, откуда кузнец берет всякие железяки, поэтому только пожал плечами да в затылке почесал.

Дядька Ринат замолк, а второй раз подал голос, только когда они прошли деревню из конца в конец.

– Слушай, а что еще волхв Огнеяр из Запретного Капища достает? Ножи? Лекарства? Бородач, что меня зашивал, не только корешками и травками пробавляется. Сапоги резиновые вон, около дома стоят... Что еще? Ружья у вас должны быть? Спички?

– Да много всего, – ответил Мирко с недовольством; тема ему не нравилась, разговоры о дарах богов в деревне не поощрялись, «свободный русич-арий молчит о тех, кто оказал ему благодеяние» – напоминала тетка Светлана при всяком удобном случае. – Каждый месяц он в Запретное Капище уходит и молится там без еды и воды три дня и три ночи... иногда четыре. А потом возвращается, и они с другими волхвами все сюда несут.

– Ага, понятно. А в обмен боги что-то берут?

– Какой обмен? – Мирко даже обиделся. – Боги нас любят и всяко одаривают! Поскольку мы их избранные дети, истинной веры и чистой арийской крови люди!

– Да, извини, – дядька Ринат смешно сложил руки перед грудью и даже поклонился. – Как я мог такое сказать? Ну а вы в ответ вашим небесным покровителям что-то дарите?

– Ну да... Рубахи особенные, вышитые, праздничные... Украшения всякие... Браслеты, кольца...

Мирко сообразил, что материал для украшений, блестящий металл и цветные камушки волхв Огнеяр тоже приносит из Запретного Капища. А потом забирает то, что все сделают, и утаскивает обратно, чтобы преподнести богам, Роду, Макоши и остальным.

Когда-то, совсем маленьким, Мирко удивлялся: что, небожители, такие могучие и мудрые, не в состоянии изготовить себе нечто подобное? И зачем им простые побрякушки, тем, у кого во власти весь мир, кроме разве что подземелий Ящера?

Но потом волхв-наставник объяснил, что обитателям Ирия на самом деле нужны не предметы, а воплощенные труд, любовь и преданность тех, кто исповедует истинную веру...

Сейчас это объяснение почему-то не показалось Мирко убедительным.

И почему боги обычные жертвы забирают из капища у деревни, куда может войти каждый, а особые дары – из Запретного, закрытого для всех, кроме самого Огнеяра и его подручных, других волхвов?

Мысль показалась неприятной, тревожащей, и мальчик от нее отмахнулся, как от надоедливой мухи.

– Может быть, на речку? – предложил он.

– Мне купаться нельзя, а ты еще успеешь, – отозвался дядька Ринат. – Пойдем в лес. Что тут у вас рядом?

Мирко вздохнул, и они зашагали к ближней опушке.

Едва оказались в тени деревьев, он остановился и, как положено, отвесил поклон, коснулся земли и попросил:

– Батюшко Велес, не будь гневен, будь щедр.

– Это зачем? – спросил дядька Ринат.

Мирко покосился на него с превосходством – эх, такой большой и умный, рассказывает так, что заслушаешься, из дальних мест пришел, магазин и бензин видел, а простых вещей не знает.

– Так положено. Велес – он всякому лесу хозяин, захочет – погубит тебя в чащобе. Дикого зверя наведет или змею ядовитую. Или дерево сухое на тебя уронит, на голову. Хотя бы грибы и ягоды попрячет, и дороги не даст... Так что лучше попросить, как надо.

– А если этого не сделать?

Мирко только вытаращился на чужака... как так не сделать?

Может быть, отправляясь на рыбалку, не помолиться берегиням и Водяному Хозяину? Или в Ярилин день не развести огромный костер в честь светлого огненного бога, а на Комоедицу не спалить чучело надоевшей зимы?

В душе заворочались обида и злость.

– Ты не сердись, – проговорил дядька Ринат мягко. – Я просто хочу разобраться. Понимаешь, вы вроде такие гордые, свободные русичи, а при этом без ритуала и молитвы шага не ступите... Ладно, замяли пока... Рассказывай, где у вас тут Запретный Лес и грибные места, куда ходить можно, а куда нельзя...

Но Мирко уже расстроился, и говорить ему вовсе не хотелось.

Так что за оставшееся время, пока чужак не устал и не попросился обратно, они обменялись лишь парой слов.

Ближе к закату, когда народ вернулся с работы, собралось деревенское вече.

Зазвенело било, повешенное на огромной ели у входа в капище, и народ принялся выходить из домов.

– Захвати дружка своего, – велела Мирко тетка Светлана, и мальчишка ощутил, что краснеет: и так с вечера сверстники дразнят «чужаковым другом», а теперь еще и она! – Разговор о нем пойдет.

Дядька Ринат, услышав, что его на вече зовут, хмыкнул, но с лежанки поднялся. Захватил палку, и они пошли, точнее, потащились, и немудрено, что явились к капищу последними.

Под Триглавом кучкой собрались волхвы, в середине, как положено, сам Огнеяр с белой бородищей и в бобровой шапке, рядом наставник и лекарь, и кузнец со зверознатцем. Чуть подальше встали старики и мужики, за ними женщины, ну а детворе место в задних рядах, все равно говорить им пред ликом богов никто не даст, не доросли еще.

– Иди сюда, чужак! – прогремыхал Огнеяр, сверкая глазами, и от голоса его Мирко вздрогнул: что-то крылось в этих словах опасное, холодное и злое, точно затаившаяся под корягой гадюка.

Дядька Ринат усмехнулся как ни в чем не бывало, потрепал мальчишку по волосам и двинулся вперед, через толпу. Ну а Мирко остался на месте, топчась и ежась.

– Ну вот, – начал Огнеяр с любимой присказки, – теперь, перед ликом русичей... Поведай нам, что ты за человек и что забыл в наших краях.

– Имя мое вы уже знаете, – чужак пожал плечами. – Путешественник я. Походник. Хожу по лесам в одиночку.

– Да ну? – Седые брови Огнеяра поднялись, волхв-лекарь дернул себя за бороду. – Зачем же?

– Для удовольствия.

Судя по лицам, волхвы дядьке Ринату не верили, да шепотки гуляли по рядам недовольные, раздраженные. «Лжец», – бурчали женщины. «Шпион», – бормотали мужчины, и последнего слова Мирко не слышал никогда, зато хорошо знал, кто такие крестоносцы и атеисты, которых вспоминали тоже.

Как и то, что, если один из них попадет к русичам, его надо принести в жертву богам...

Но ведь у дядьки Рината нет рогов и волчьих зубов, и даже креста!

– А по крови кто будешь? – спросил Огнеяр, и собравшиеся на вече люди дружно замолчали, даже дышать вроде бы перестали.

– Татарин.

Верховный волхв не изменился в лице, зато физиономии волхва-наставника и кузнеца перекосило от отвращения, а женщины забормотали, поминая Великого Рода и Перуна, от врагов обороняющего.

– Не нашей крови, – проскрипел Здравобор. – Хотя это и по роже видно.

– Что же не вашей? – сказал чужак очень спокойно. – Ведь ты мне рану зашивал. Неужели твоя кровь не так красна, как та, что осталась на бинтах и на твоих руках?

– Мне их пришлось вымыть! – Ноздри волхва-лекаря раздулись, глаза выпучились, лицо побагровело; Мирко никогда его таким не видел. – И я искуплю грех пред богами! Ты же...

– Тихо! – прогремел Огнеяр, и Здравобор смолк, даже младенец на руках у одной из женщин перестал пищать.

Только дядька Ринат не послушался.

– Что за комедию вы тут устроили?! – спросил он раздраженно, глядя прямо в лицо верховного волхва. – Забились в глухой лес, играете в древних язычников, головы детям дурите всякими богами и арийскими ведами? А сами-то с остальным миром не порвали! Вы же...

– Тихо, – повторил верховный волхв, на этот раз негромко, только это прозвучало намного страшнее, так что Мирко задрожал, ему захотелось убежать, закрыть глаза и уши, не видеть, не слышать.

– Ты чужак, и ты не будешь посягать на то, как мы живем, хотя бы из чувства благодарности, – продолжил Огнеяр, и слова эти породили в капище многоголосое эхо, словно Макошь, Дажьбог, Ярило и остальные повторяли его речь деревянными ртами. – Или ты забыл, что, если бы не мы, ты бы уже умер, и никто бы не узнал, где твоя могила?

Дядька Ринат опустил голову, уставился в землю, точно провинившийся мальчишка.

– Гордые, свободные русичи живут здесь, под ласковой дланью истинной веры! Отринули мы соблазны атеизма и рабское поклонение чужим, ложным, мертвым богам! – Верховный волхв увлекся, и голос его вновь стал громче. – Прошлому нет дороги сюда! Понимаешь ты это? И любую опасность для нашей общины мы... – он помолчал, – ...ликвидируем. Без сомнений и жалости. Здесь все будет по Покону, и никак иначе! Уяснил ли ты?

– Да, – прозвучало это глухо, слабо и неуверенно.

– Вещи твои мы тебе сейчас отдадим, – сообщил Огнеяр уже более спокойно, зато Мирко от стыда чуть сквозь землю не провалился: про тяжелый мешок дядьки Рината совсем забыл, как и про корзину, ну да, видимо, кто-то из мужчин-охотников по следу прошел, все отыскал. – То, что можно другим показывать, мы тебе оставили, не бойся.

Чужак засопел, сжал кулаки.

– Кровь, конечно, штука важная, – тут верховный волхв метнул сердитый взгляд на лекаря. – Но вера, я считаю, важнее. Так что, если хочешь, можешь тут остаться. Навсегда. Мужчина ты крепкий, девки у нас на выданье имеются, один не заскучаешь, без дела тоже... Но сам понимаешь...

Мирко от радости чуть не подпрыгнул: ух ты, вот это было бы здорово!

Только вот дядька Ринат почему-то счастливым не выглядел.

– Истинную веру принять? – спросил он. – Хорошо, я подумаю.

– Думай, только не очень долго, – сказал Огнеяр. На этом вече, собственно, и закончилось.

Совместная молитва всем богам и малая жертва согласия, когда Триглаву режут курицу, не в счет.

Следующим утром Мирко поручили точить затупившиеся косы, а дядька Ринат стал ему помогать.

Удивительно, но оказалось, что косы он, такой взрослый, ни разу в жизни в руках не держал. Мирко почувствовал себя взрослым и умным, когда показывал, как ее брать и как править острие точильным камнем.

Сидели они в тенечке, под боком родового дома Медведя, и работали поначалу в тишине. В деревне царила пустота, солнце жарило, и все работали в поле, только Буран валялся под кустом, вывалив язык и тяжело дыша – как взялся с первого дня присматривать за чужаком, так и не отстал.

Потом Мирко не выдержал.

– Расскажи что-нибудь, дядька Ринат, – попросил он. – Интересное только.

Чужак привычно хмыкнул и улыбнулся.

– Так мне ваши старшие рот открывать запретили, – сказал он. – Помнишь, вчера?

Мирко помрачнел – да, на вече Огнеяр, да и прочие волхвы гневались так, что упаси Перун и Сварожичи.

– Но ведь сказки можно... – протянул он.

– Сказки? – Дядька Ринат вздохнул. – Ты сам не понимаешь, что вы тут как в сказке. Только в страшной.

– Почему? – удивился Мирко. – У нас все хорошо!

– Ты уверен? Вон, вчера главный ваш вещал, что, мол, прошлому нет дороги сюда... По Покону живем и все такое... А у него «Ролекс» на руке, и не самый дешевый, – заметив, что его не поняли, чужак пояснил: – Штука вроде браслета из стекла и металла.

Мальчишка засопел – никогда не задумывался, что таскает верховный волхв на левом запястье, всегда считал, что это нечто священное и волшебное для общения с богами.

– Стоят эти часы больше, чем ваша деревня целиком, – пояснил дядька Ринат. – Снова не понимаешь? Смотри, вас тут за дурачков держат, лапшу на уши вешают. Рассказывают про гордых русичей, а вас в рабов превратили...

– Мы не рабы! Рабы не мы! – воскликнул Мирко, озвучив строчку из тетради для прописей.

– Ну да, ну да... А сами рубахи вышиваете, браслетики делаете и прочую этнику... Ее потом ваш верховный волхв продает... Спрос на такие вещи есть, и еще какой! Особенно если наврать, что они по настоящим древним шаблонам слеплены!

– То есть как «продает»? – не уяснил Мирко.

– Меняет на деньги, такие штуки, которые можно поменять на другие штуки. Например, твой нож... лекарства, инструменты... это для всех. Ну а для себя тоже... Квартиру в Москве, например, золотые часы за десятки тысяч баксов...

– Но где он может что-то менять? – Голос мальчишки дрожал, горло сжималось: это не могло быть правдой, не могло. Зачем дядька Ринат такое говорит?

Неужели он в самом деле оборотень, атеист в человеческом облике?

Буран, похоже, ощутил злость и обиду Мирко, поднял черную голову, зашевелил ушами.

– В Запретном Капище нет идолов с ликами богов, вообще ничего священного. Прячется там автомобиль... самодвижущаяся телега, и начало дороги, что идет через Запретный Лес. Три-четыре дня как раз хватит, чтобы до ближайшего городка доехать, там сдать все перекупщику и прочие дела обделать. Так что главный у вас вовсе не дурак. Для глупостей у него помощники есть...

Мирко едва не лопнул от возмущения и рот открыл, чтобы сказать все, что думает.

– Не сердись, подожди, – остановил его дядька Ринат. – Выслушай меня для начала. Смотри, я видел вашу деревню, как вы тут живете. Так?

Мальчишка кивнул.

– Но я видел и другие места, знаю, как там дело устроено. Так?

Мирко вновь пришлось согласиться, хотя он очень хотел заявить, что все выдумки, что ничего нет, кроме леса с их деревней, а за его пределами только злые нелюди, слуги Чернобога. Но что-то его остановило, может быть, мысль о том, что деревня их не может быть очень древней, ведь могил на кладбище чуть больше десятка.

Раньше об этом не задумывался...

– Значит, я могу сравнивать, – продолжил дядька Ринат. – Смотри, вот есть грибы. Если ты никогда не видел ничего, кроме лисичек, то можешь поверить, что других грибов вообще не бывает.

Это Мирко было понятно, в грибах он толк знал.

– И ладно те, кто постарше, – сказал чужак. – Они по своей воле сюда приперлись. Но вы, дети... Вас же лишили свободы выбора! Лишили всего, что есть в огромном мире!

В словах его гремела злость, звенели еще какие-то чувства.

– Но ничего! – заявил дядька Ринат, уставившись в пространство над забором. – Подлечусь маленько и уйду... А в городе найду тех, кто возьмется за ваших волхвов... Возьмет их за мягкие места!

Мирко краем уха различил шорох.

Повернув голову, увидел, что из-за угла на них смотрит тетка Светлана, глаза широко раскрыты, ладони прижаты ко рту. Она бесшумно отступила, скрылась из виду, и сердце мальчишки сжала холодная лапа вины, хотя в чем и почему он виноват, он не знал.

В жилище у верховного волхва Мирко до сих пор не бывал и, едва переступив порог, завертел головой. Но любопытство мигом испарилось, едва он осознал, что лицо у Огнеяра еще мрачнее, чем у приведшей мальчишку тетки Светланы.

За окнами сгущался вечер, с гроыханием надвигалась гроза.

– Ну вот, садись, – пригласил волхв, и Мирко опустился на лавку.

Тетка Светлана осталась на ногах, руки сложила под грудь, и уже по этому можно было понять, что она сердита.

– Существо, найденное тобой в чаще, мы посадили под замок, – сообщил Огнеяр. – Поскольку речи оно ведет вредные, смущает души простые, неокрепшие... вроде твоей.

Мирко заморгал... то есть как под замок? Дядьку Рината?

Нет, три года назад заперли в той же бане дядьку Владирада, когда ему слуги Чернобога в голову залезли и разум помutilи, но так он ведь голым по деревне бегал и на женщин с дикими воплями бросался...

А чужак ничего такого не делал!

– Все, о чем вы с ним говорили, – забудь, – продолжил Огнеяр ласково, но твердо. – Пересказывать другим... даже не вздумай, – глаза его сверкнули гневно, и Мирко сжался. – Именем Триглава, Сварога-прародителя и прашуров накладываю на тебя в этом запрет!

Мальчишка шмыгнул носом и опустил голову.

– Нарушивший его после смерти не в светлый Ирий попадет, а к Ящеру в лапы! – добавила тетка Светлана. – Помни, что ты гордый, свободный русич! Помни о Поконе!

Мирко всхлипнул, от страха внутренности скрутило в тугой комок.

– Ты провинился, что разговаривал с ним и слушал прельстивые речи чужака, – в небе громыхнуло так, что земля вздрогнула. – И должен замолить прегрешение. Вдвойне. Старшая тебя проводит.

– Да... я больше не буду... простите... – забормотал Мирко.

Но тетка Светлана не дала договорить, взяла его твердыми пальцами за плечо, вывела на улицу.

– Боги должны простить, – сказала она сурово. – Так что старайся, молись истово.

У входа в капище старшая остановилась, подтолкнула Мирко в спину:

– Ты знаешь, что делать.

Он кивнул, сделал несмелый шаг, и тут чрево неба разорвала ослепительная молния. Ноги Мирко подкосились и, выполняя поклон, он едва не свалился... точно, боги и прашуры гnevаются на него, Сварожичи машут огненными мечами.

Встав на колени перед Родом, мальчишка хлестнул себя по щеке и немеющими губами принялся читать молитву.

Но что-то в этот раз пошло не так.

Облегчение не явилось, на сердце не потеплело, наоборот, стало гадко и противно. Закопошились в голове такие мысли, что Мирко испугался – неужели слуги Чернобога нашептывают прямо в ухо?

Может быть, волхв Огнеяр и вправду держит всех в дураках, а гордые русичи – рабы? Может быть, его на самом деле лишили свободы, и что, помимо их деревни, есть другие места, населенные людьми, с разными чудесами вроде автомобилей и Интернета?

Когда нечто холодное ударило Мирко в лоб, он дернулся, не сразу понял, что это дождевая капля. Невольно оглянулся через левое плечо, за которым должен стоять незримый злобный шептун, но никого не увидел, да еще и обнаружил, что тетки Светланы у входа в капище больше нет.

Громыхнуло так, что мальчишка на миг оглох, а со следующей вспышкой молнии явилась странная мысль – нет, прегрешение надо замолить, это точно, но потом нужно отправиться к бане и с дядькой Ринатом поговорить, чтобы он все объяснил, растолковал! Наверняка Мирко неправильно понял, он часто неправильно понимает, даже со второго раза, и волхв-наставник тогда сердится...

Ведь разговаривать с чужаком никто не запретил!

Он заторопился, шепча молитвы и ударяя себя по щекам.

Когда поднялся на ноги и отвесил финальный поклон всем богам по кругу, небо заволкло целиком. Дождь полил такой, что Мирко промок насквозь, по спине побежал озноб, а зубы громко застучали.

Бегом, не напрямик, а вокруг огородов, чтобы никто не увидел, он ринулся через деревню. У входа в баню обнаружился дядька Ратобой, но мальчишка заметил его вовремя, присел за кустами смородины, тяжело дыша, вытирая мокрый лоб и раздумывая, что же делать.

Мысль о том, что за чужаком могут присматривать, ему в голову не пришла.
И что теперь, отступить, уйти?

Но, видимо, боги все же встали на сторону Мирко, поскольку дядька Ратобой встряхнулся, точно собака после купания, подергал железный засов на двери и, бормоча что-то по поводу «клятого ливня», затопал прочь. Миг, и он пропал в промокшем сумраке.

Через секунду мальчишка оказался у двери, прижался к ней, пытаясь хоть как-то укрыться от дождя.

– Дядька Ринат! – позвал он, чувствуя, как гулко, тяжело и горячо бьется сердце.

– Мирослав? Ты? – донеслось изнутри. – Я думал, тебя тоже заперли.

Радость, прозвеневшая в голосе чужака, заставила Мирко задуматься: атеисты и крестоносцы тоже могут ликовать, творя свои гнусные дела, обольщая или сжигая людей истинной веры, но это чувство звучало чисто и искренне, никакого оттенка злобы или хитрости в нем не было.

– Не, – сказал он, утирая лицо рукавом. – Скажи, дядька Ринат... ты ведь не шпион? – Про последнее слово спросил у волхва-наставника, и тот объяснил, что оно означает. – Пришел к нам не для того, чтобы подсмотреть или пакости какие-нибудь устроить?

– Нет, – ответил чужак.

– Не атеист ты, не крестоносец? – продолжил допытываться Мирко. – Поклянись! Родом, небом и землей!

– Крестоносец? – не понял дядька Ринат. – А, христианин... – Он усмехнулся. – Клянусь чем угодно, что ни то, ни другое. Родом, небом, землей, здоровьем матери...

У Мирко отлегло от сердца.

– Тогда тебя должны выпустить, – сказал он.

– Этого не случится никогда, – голос дядьки Рината стал тихим и очень грустным. – Слишком уж я опасен.

– А что тогда? Оставят тут сидеть?

Дядьку Владирада из-под запора выпустили после того, как волхв-лекарь из него слуг Чернобога изгнал.

– Нет. Убьют. Принесут в жертву вашим богам.

– Нет-нет, – забормотал Мирко, ощущая, как земля качается и трясется под ногами. – Нет-нет... Это невозможно... Наши волхвы добрые, они никогда так не поступят-пят...

И он осекся, поскольку вспомнил, как жалобно блеяла обреченная на смерть коза, как бился петух в руках Огнеяра, и как кровь пятнала суровые деревянные лица Велеса, Лели и Ярилы. Зарезать человека не сложнее, чем животное, было бы только желание.

– Я тебя спасу! – воскликнул Мирко, нащупывая засов. – Открою, и ты убежишь! Вернешься к себе!

– Тебя накажут! – возразил дядька Ринат.

– Никто не узнает, ливень, народ по домам, – мальчишка дергал неповоротливую железку, та скрежетала, ходила в скобах, но не поддавалась, точно засов разбух от воды. – Дома скажу, что у Кабана пересидел... А тебя сейчас провожу туда, где нашел, и там... Ух-х-х... по следу пойдем...

Гром ударил прямо над головой, молния ослепила, и тут засов поддался. Петли скрипнули, и дверь открылась так резко, что Мирко едва не шлепнулся задом в грязь.

– Давай, выходи... – пропыхтел он, и дядька Ринат выбрался из старой бани.

Они шли через сумрак, под хлещущими струями, не так быстро, как хотелось бы, но уверенно. Чужак время от времени кривился, хватался за бок, но не шатался и на палку не опирался.

А Мирко вовсе не замечал ни сырости, ни холода, ведь он делает благое дело, спасает... друга, да.

Боги много лет обходились кровью животных, переживут и в этот раз.

Они прошли то место, где мальчишка наткнулся на дядьку Рината, и дальше отправились на закат, туда, откуда он вроде бы пришел, хотя сам точно не помнил своего пути, шагал наполовину в тумане...

Овраг, другой, Моховое озеро с его кувшинками и черными корягами, там Мирко бывал несколько раз.

– Стой, погоди, – попросил дядьку Ринат, когда озеро скрылось из виду. – Отдохнем. Немного...

Лицо у него было бледное, дышал он тяжело.

Грозу к этому времени унесло прочь, небо очистилось, на небосклоне возникли первые звезды, на восходе повисла в ветвях совсем тоненькая, молодая луна, похожая на половинку браслета из светлого металла.

– Ты давай, возвращайся, – сказал дядьку Ринат, отдышавшись. – Дальше я сам. Доберусь как-нибудь... все равно ты дорог здесь не знаешь. И тебя не должны хватиться. Чтобы никто не заподозрил, что ты к моему побегу причастен...

Он помолчал, а потом добавил изменившимся голосом:

– Или, знаешь, пошли со мной. Что тебе здесь делать, с этими волхвами и богами? Там огромный мир! Большой, настоящий! А не этот огрызок возрожденной древности.

Мирко заморгал, не зная, что сказать.

– Ну нет, я никогда не думал... – протянул он. – Тут я родился, тут все я знаю... Друзья и...

– Я все равно дойду до властей, и эту лавочку прикроют, – сказал дядьку Ринат. – Главари под суд пойдут, остальным придется устраиваться, так что все уже не будет как раньше.

– Ну я не знаю, – повторил Мирко. – Как-то это, ну...

Он мямлил дальше, а в голове крутились даже не мысли, а обрывки мыслей.

– Родителей у тебя все равно нет, чего ты теряешь? Ту кашу, что у вас в голове? Насчет гордых русичей, чистой арийской крови и истинной веры?

– Ну... я... – Мальчишка напрягся, и тут краем глаза уловил движение.

Повернув голову, обнаружил, что из зарослей выступил дядьку Ратобой и еще двое мужчин из деревни, при ружьях и заплечных мешках, будто собрались на дальнюю охоту.

– Вот и они, – сказал дядьку Ратобой. – Хитер, чужак, дверь за собой прикрыл. Только я не поленился, внутрь заглянул... И след вы оставили такой, что слепой увидит. Теперь пошли обратно. Погуляли и будет.

И он угрожающе повел стволом.

Мирко знал, что он взрослый, что он почти мужчина, а мужчины не плачут, но остановиться все равно не мог. Его трясло, как в лихорадке, слезы текли по щекам, а в груди сплетались в клубок ярость, злость, ненависть, отвращение и другие чувства, которым он не знал названия.

Когда они вернулись в деревню, дядьку Рината опять закрыли в бане, а у дверей встал дядьку Ратобой. Мальчишку же отвели в общественный погреб, где усадили на сырой пол среди мешков и ящиков.

– Осквернил ты себя, – заявила встретившая его тетка Светлана. – Сиди пока тут.

На двери погреба не запор, щеколда, открыть ее изнутри проще простого, но о побеге Мирко даже не подумал.

Куда бежать? Зачем?

Сколько он так просидел, он не смог бы сказать, но, когда дверь открылась, внутрь проникло бледное сияние рассвета. Мальчишка вытер слезы, шмыгнув носом, подобрался, напряженный, точно струна – нельзя, чтобы кто-то увидел его слабость, понял, что он, гордый русич, плакал.

Скрипнули деревянные ступени, блеснул на руке верховного волхва тот браслет, который дядька Ринат назвал «Ролексом». Следом за Огнеяром показалась тетка Светлана – губы поджаты, руки под грудью, в глазах беспокойство.

– Как ты, Мирко? – спросила она.

– Нормально, – зло ответил он и тут же не выдержал, сорвался. – Это все правда?! Вы на самом деле хотите убить его?! Принести в жертву богам?! Почему?! Как же так?!

Верховный волхв почесал в затылке и уселся на ящик, тетка Светлана осталась стоять.

– Ну вот, Мирко, – сказал Огнеяр спокойно, – ты знаешь меня с рождения? Тринадцать с половиной лет?

– Ну да... – глупо спорить с очевидным.

– И старшую рода Медведя, заменившую тебе мать, тоже?

– Да... – Мирко опустил взгляд, чтобы не видеть их лиц.

– А существо, что называет себя Ринатом, появилось в твоей жизни два дня назад? Верно?

На этот раз он просто кивнул.

– Но ведь верить нужно тем, кого ты давно знаешь, кто сделал тебе много добра, – голос верховного волхва звучал ласково. – А не чужаку, взявшемуся невесть откуда. Согласен?

Мирко очень хотелось возразить, доказать, что они не правы, он даже открыл рот, но тут же закрыл обратно, поскольку осознал, что слов нет, куда-то подевались.

– Он человек! – только и смог выдавить. – У него нет креста! И рогов тоже нет!

– Каких рогов? – не понял Огнеяр.

– Которые у атеистов! И жабьей кожи, и волчьей пасти! Он не чудовище!

– Да, надо менять учебники, – со вздохом сказала тетка Светлана.

– Понимаешь, – начал верховный волхв, – то, что кажется человеком, не всегда человеком является... Настоящие люди – это лишь мы, русичи, хранящие истинную веру. Остальные – монстры, отродья Ящера, и неважно, как они выглядят, что и как говорят. Вспомни, ведь Ринат прельщал тебя байками сладостными о вещах дивных, местах далеких?

Мирко очень хотелось сказать «нет», но врать не особенно умел, да и стыдно.

– Да... – произнес он после внутренней борьбы. – Но это же были сказки!

– Нет, сказки – они не такие, они не рожают в тебе сомнение в Поконе и родичах. Ты ведь начал сомневаться? В голову тебе залезли мысли, что тебе лгут? Что все плохо?

Мирко понял, что краснеет... откуда Огнеяр это знает?

– По плодам узнаете их, как сказал один из мудрых пращуров, – сказал волхв. – Подумай, кто может речами сеять раздор, сомнения и вражду? Разве он... один из нас?

На глазах вновь закипели слезы, горячие, злые слезы обиды и разочарования. Неужели дядька Ринат его обманул, неужто он по правде лишь прикинулся раненым человеком, а сам шпион и атеист?

Но он же клялся Родом и всем прочим, и не сгорел на месте!

– Он чужак, он похож на нас, но завидует нашей свободе, духовной силе и славе, – вступила тетка Светлана. – Мы оставили прошлое за спиной, он же тащит тебя обратно!

– Нет! – закричал Мирко. – Не может быть! Вы все врете! Все-все-все!

И не выдержал, разрыдался, уткнувшись лицом в колени и содрогаясь всем телом.

Верховный волхв сочувственно молчал, тетка Светлана гладила мальчишку по спине, и от ее прикосновений становилось легче, уходили тоска и неуверенность, рассеивались страх и сомнения.

– Десять лет назад, когда ты был маленьким, боги прогневались на нас. За дело, – сказал Огнеяр, когда Мирко перестал всхлипывать. – В ту зиму умерли очень многие. Твои родители, например.

Ну да, эту историю он слышал, и не раз.

– Тогда к нам тоже забрел чужак, говоривший сладкие речи, притворявшийся человеком... И мы принесли его в жертву, отдали светлым богам его кровь и его силу. Тогда их гнев прекратился, и многие, кто мог тоже погибнуть, как ты, остались в живых.

Вот об этом Мирко не знал, и глянул на волхва недоверчиво.

Тот улыбался, грустно и отстраненно, а прозрачные глаза Огнеяра смотрели куда-то в сторону, в прошлое.

– Так что нельзя убить человека – ты прав, – сказал он, посмотрев на мальчишку. – Покон запрещает такое и грозит карой суровой. Но лишить жизни чужака – благое дело. Особенно если принести в жертву истинным богам ради всеобщего процветания.

– Ты же хочешь, чтобы нам всем стало хорошо, как тогда, десять лет назад? – осведомилась тетка Светлана, и Мирко задрожал.

Он не мог назвать дядьку Рината, друга, чужаком... он его спас, а потом слушал...

Или это хитрый обман, чтобы обольстить? Посеять вражду и сомнения?

– Давай вместе помолимся Макоши-родительнице, пусть очистит душу твою, – предложил Огнеяр. – Дарует тебе мудрости, чтобы ты понял, что истинно, а что нет.

Мирко встал на колени, привычные слова сами полились на язык, мысли успокоились. Всем сердцем он воззвал к богине, в руках которой целый мир, и заплакал в третий раз, но теперь от облегчения, поскольку боль ушла из сердца, и стало там тепло и покойно.

Хотя немножко пусто.

Есть свои, родичи, люди истинной веры, кто сделали ему много добра, вырастили и воспитали. И есть чужак, невесть кто, явившийся из леса, говоривший сладко и интересно.

Если выбирать, кому поверить... разве можно выбирать?

– Ну вот и хорошо, – сказал верховный волхв, когда молитва закончилась. – Понял? Уяснил, что с тобой случилось?

Мирко кивнул, в неизвестно какой уже раз шмыгнул носом и нахмурился.

Он мужчина, русич, а распустил нюни... и ради кого... чего?

– Тогда пойдем. Ты должен присутствовать на жертвоприношении вместе со всеми, – Огнеяр потрепал мальчишку по плечу.

– Может быть, не надо? – спросила тетка Светлана. – Он и так настрадался...

– Надо-надо, – в ласковом голосе верховного волхва прозвенела сталь. – Ничего. Обряд необходимо провести сейчас, пока солнце восходит, поднимается, набирает силу... Увидеть же его должны все. Увидеть и запомнить накрепко, что есть добро, а что зло.

Следом за взрослыми Мирко выбрался из погреба и вскоре оказался в капище, где собралась вся деревня, от древней, редко выходившей на улицу бабки Искрени до младенца двух недель от роду. Прибежали и собаки во главе с черным мрачным Бураном.

Вскоре показался дядька Ратобой с ружьем, толкавший перед собой дядьку Рината.

– Опомнитесь! – воскликнул тот, едва завидев толпу. – Что вы творите, люди?

– Замолчи, нелюдь! – рявкнул Здравобор, и русичи поддержали его дружным гулом, а кто-то из мальчишек бросил в чужака тухлым яйцом, так, что то расплылось на щеке грязным бело-желтым потеком.

– Представьте, что волхвы бросили вас! Ушли в Запретное Капище и пропали! – продолжал кричать дядька Ринат. – Вовсе не вознеслись к богам и не провалились в ад! Укатали на той машине, что там спрятана! Что у тебя там, Огнеяр, уазик или джип? Прихватили деньги, на вас зараб...

– Заткните ему рот! – громыхнул верховный волхв, и приказ тут же оказался исполнен.

Мирко стоял, сжав кулаки, и повторял про себя, точно молитву:
Принести чужака в жертву истинным богам – благое дело.
Благое дело.
Благое...

Людмила и Александр Белаиш. Дом князя Комоедова

– Вернуть женщин к очагу!

– Какую кочергу? – выметнулась из душа гура Алала – мокрая, предельно женственная. – Не смей трогать, ручка деревянная! Кочережка моя, забей себе как гвоздь! Твое – творило с растворилом, их и юзай, а мое ни-ни.

Гуру Алалей ее красоты игнорил, неотрывно торча в ноуте:

– Говорю, епископ пишет в бложике, что женское место – уют, порядок и хозяйство. И омбудсменша ему вторит – мол, убьемте кризис, хлопоча по дому.

– А конкретную программу выдвигают? – прихватив в кабине полотенце с лисами, гура кое-как завернулась и босиком зашлепала по лофту, густо капая с гривы на пол. За ней, принюхиваясь на ходу к влажным следам, бесшумно шел толстый дымчатый кот Нерон.

– Так, вообще – Русь, Третий Рим, шестой технологический уклад.

– Пока они свой форсайт-проект раскрутят, мы сеть на весь федеральный округ развернем.

– Кыш, ты мне на клавишу льешь. Сушись, садись за свой и смотри время – скоро тебе вебинар начинать.

Из пещерной темноты прихожей звякнул колоколец – динь-дон! Это лифт миновал предпоследний этаж и готовился причалить к апартаменту.

– Поинка прямо как часы. Оденься, а то вид не гурский.

– Что б ты понимал, башка железная...

Все-таки Алала вняла напарнику и ведической походкой удалилась в раздевальню, выбрать рубашу с юбкой. Повернувшись на офисном кресле, Алалей зычно и величаво возгласил в сторону двери:

– Вступи в храмину с благом, дочь Полина!

Княжий лофт располагался на вершине дома-башни, пять лет как возведенной в ходе дикой точечной застройки на косогоре, лицом к речной долине. Из необъятных окон-витрин лофта было видно все – радуги, луга, леса и заречный город БМЗ-17, где жили по пропускам, ходили лоси и работал вытрезвитель.

Как любому в области, Поле хотелось туда – там столичное снабжение, вежливая полиция и можно гулять ночью без баллончика. Но кассирше из дискаунтера с подработкой по субботам эти хотелки не по статусу.

Еще меньше ее влекла родная Сысь. Чем возвращаться в райцентр, по которому катаются три ржавые маршрутки, лучше здесь кричать «Пройдите в свободную кассу!». А менеджер по персоналу еще глумился: «Диплом экономиста-математика, мда-а... Ты выручку к сдаче готовь аккуратнее, не ошибись».

На двоих с рыжей Светкой нашли однушку в доме с пенсионерами и гостерами, пять тыр плюс коммунальные. Район элитный – утром вместо петухов алкаши под окнами перекликаются, вечером автохамы лаются за место на газоне, а ночью за стеной то караоке, то ритмичный стук. Там три подружки на двушке.

Под повторы «Большой пакет нужен?» и любезности охранников диплом мало-помалу забывался. Если б не Заяц, Поля точно бы половину ай-кью потеряла.

Но куда с Зайцем? Оба на нулях, на съемных хатах. Зимой в кафе, в кино, летом на пляж и в парк.

И тут на глаза попались «Женские ведические курсы личностного роста».

Ты достойна счастья! Ты будешь счастлива! Женские Веды – путь победы!

Можно месяц растворимые супы поесть, потому что вступительный курс стоит денег. Нет, два месяца – продвинутый курс еще дороже.

Зато лофт, как дворец! В окнах – все небо! Простор, чистота, красота, портрет князя в полстены – грива, борода лопатой, в глазах синь над Гималаями.

Подметая пол макси-юбкой – все по Ведам, чтоб подолом собирать земную силу в чакру-сакру женской тайны, – Поля впорхнула в княжий апартамент. Навстречу ей мягко ступал Нерон.

– Кис-кис, – приветствовала она котищу.

– Мау, – важно ответствовал дымчатый и дружелюбно потерся о ноги.

– Дщерь, счастья тебе в нашем капище-ведище! – гаркнул Алалей, благословляя издали обеими дланями. – Почто одна-одинешенька? Или не уловила во граде заблудших, втайне жаждающих истины?

– Уловила, княжич. – В пояс поклонилась Поля, как следует перед мужчиной, который суть центр уваженья, восхищенья, подчиненья и служенья. – Светка решила прийти.

– Добро! А ты сказала ей, что брючницы у нас харам?

– Объяснила. И другие есть. Из нашего дома Адиля интересуется тайком, куда я хожу.

Но сама идти боится, с ней целый табор родни. Убьют же.

– И ее осмыслим. Всех пиши в базу данных – в брюках, в платочках, в мешке на башке. Сегодня тебе послушание – сперва проверь счет на оплату, нам за метраж и воду насчитали несуразное. Отправишь князю нашу лепту за неделю, сластей купишь. Потом перспективных дев и баб зарегистрируй, разошли им целевые приглашения, а затем мой пол и кухню, чисти палас. Труды для князя – у богов заслуга!

– Я еще продуктов принесла, на сверку по здравью.

– Вали на стол, растворилом испытаем.

– А если коту предложить? – показала девушка Нерону пол-литровый тетрапак кефира «Доярица».

– Пф-ф! – дернулся котяра, ошетилив усы как еж иголки.

– Что ты! Чистому зверю мерзость магазинную давать – как можно?

Для пробы Поля наполовину высунула из пакета ряженку «Млечная радость», показала котику – как, будешь? Нерон унесся опрометью с распушенным поднятым хвостом.

– Шалишь без разума, – укорял гуру. – Колбасу безблагодатную ему совала, кару заслужила – и опять?

Ой, нет. Апартамент на карачках протирать и на пол дышать, зеркально ли отчищен... Храни князь, чтоб еще раз прибираться. По всем углам натошнил. А колбаса-то была лучшая, по шестьсот сорок, сама такую лишь на праздники брала.

Хотя соблазн велик. Нерон натурпродукты вычисляет – лучше растворила, даже сквозь упаковку. Значит, «Доярицу» и млечные помои – позабыть.

«Вот бы кота взять с собой, чтобы Зайца обнюхал. Если замурлычет и потрется, значит, можно замуж...»

Тем временем из раздевальни выступила гура. Вот уж кто Веды ведает! Фигура как ваза; где надо широко, где надо узко, юбка в пол. Рубаха знаками расшита – с ними так просто по центру не пройдешь, сразу полиция прицепится: «Вы, девушка, какую атрибутику тут демонстрируете?»

– Свет мой, Поля, гостя жданная! – словно алконост-птица, запела Алала. – Как день провела, все ли соблюдала?

– Белья избегала, сласти ела...

«Скоро слипнется от них!»

– ...чуждые знаки обходила, лик отворотив, – крыж, ущербную луну и красную звезду...

– Разумница.

– Где ж ты звезду нашла?.. – забурчал Алалей, вновь погружаясь в ноут.

– На машзаводе, над воротами. Там рядом столовка от кулинарного колледжа, я девушкам раздавала приглашения.

Гуру пометил в карте – «Локация освоена. Риск – знак поклонения неверов».

– Эффективно отработала? Беседы вела?

– К двум столам присела, проповедовала. Все листовки разобрали, спрашивали – что и как, не секта ли, и правда ли мы ходим без трусов.

– А ты?

– А я уклончиво, как гура наставляла. Юбка на них сильно действует. Обещали подписаться во Вконтакте и в ЖЖ. Я и студию им описала, где незримо княжий дух витает, душу возвышает и ведет к женской победе...

Особо и стараться не пришлось. Сидят студентки, вилками макароны загребают и котлеты ковыряют, и тут я такая тонкая, с улыбкой. Юбка на мне вьется-переливается, шелестит как знамя. Да, освященная, да, каждый узор парней ворожит, на счастье программирует, на брак и бла-бла-бла. А еще от фобий лечит, от безработицы, от приставаний гопоты, мигрени, плохоты, промозглости и нищеты. Вы только попробуйте, сразу по жизни попрет.

По ней было видно, как много дает сопричастие к Ведам. Кроме апгрейда внешности – карта на вход в лофт (со второго курса), охраняемый дом, роскошный апартамент, щедрые гуры и наука женственности почти даром. Кто купит продвинутый курс, удостоится княжских даров – восторг хоровода, лицезрение чудес и... приходите и сами узрите.

– Есть свежие подписки! – убедился Алалей, порывшись курсором по вкладкам. – Пора тебе по лидерской программе обучаться...

– Рано мне, – смутилась Поля, представляя, как дойдет до совершенства и во что это обойдется по деньгам. На одном меде и варенье можно совсем сладкой мумией стать.

«Вот бы вроде гуры потолстеть, где надо, чтоб калория шла в тело».

– Лучше растворило покажите, – попросила она. – Кефир испытайте и ряженку. Я в них усомнилась, да и кот...

– Что, хозяйка, снизойдем? – обратился гуру к гуре.

– Велики заслуги Полюшки, – кивнула та. – Неси.

Растворило! Артефакт, князем завещанный! Спецэффект или фокусы, не угадаешь.

Оно, могучее, само живет, мерцает в середине и людскую душу чувствует. Алалей рассказывал – девушка с прошлого набора перед раствором в судороги впала, билась головой и криком каялась, дескать, подослана. Сейчас совсем ведическая стала, капище в Рязани держит, по статусу местный куратор – курыня. Муж – топ-менеджер региональный, пятнадцать магазинов в подчинении. Вроде настоящая, по скайпу отвечает, даже фото есть – такая сахарная, попа шире колеса. Ей любая калория впрок.

Сам гуру – никому святыню не доверит! – вынес растворило, величиной и формой как конский хомут. Пустое, оно внутри загадочно переливалось. Чуть в мурашках от волнения, Поля откупила кефир и вылила в отверстие.

Никакой белой лужи. На стол упал серый кусок сахара, высыпалась струйка золы, плюнуло желтое пальмовое масло, и в масляную плюху шлепнулась таблетка типа витаминной – грязно-пятнистая, противная.

– Убедилась? Мусор, отравка и подделка.

– Вот дикари, – заговорила гура, – ели врагов, чтоб перенять их силу, храбрость и удачу. А какую лихоманку можно перенять, если ешь умственно отсталых бройлеров или вообще эрзац?

– Принесешь настоящего мяса, молока из-под коровы – перегоним сквозь творило и такую нямку смастерим!.. – причмокнул Алалей.

И кот подтвердил:

– Мау!

С проверкой счета пришлось повозиться. В ТСЖ бухгалтеры – такие же девчонки-выпускницы, с детства приученные интернетом тыкать кнопки как попало и – «Ой!». Пока с них не вычтут пару раз за ляпы – страху не научатся; на кассе то же самое.

Поля тишком калькулировала, а гура разливалась птицей, покрывая всех подключенных на вебинар:

– Вместе обретем подлинную женственность и ту ману, что дает силу любить и жить. Женская мана – ствол мироздания, опора цивилизации, она подвигает мужчин на свершения. Если в тебе усталость, депрессия, стрессы, фобии – прикоснись к Ведам, возьми силу от Земли, и твоя жизнь засияет как немеркнущее Солнце. Вглядишься в мандалу средоточия и внемли мудрости. Повторяй сто восемь раз имя своей богини...

На мониторах у всех смотрящих винтом уходила в астрал гифка, насылающая чары. Под ее верченье новенькие легче поглощали слова гуры – ешь сладкое, носи юбку до пола, радуйся как дитя, запишись на основной курс, украшайся, берегись крыжа, луны ущербной, красной звезды, развивай чакру-сакру любовную, закажи основной курс на сайте, избегай злых неведов и неведок, проповедуй добрым, слабым и растерянным, ласково веди их к Ведам, в капище-ведище, найди местную курью...

Слева от Поли, у принтера, мохнатой кучей возлежал Нерон – типа дремал, но изредка мурчал и трогал Полино запястье подушечками мягкой лапы.

– Нерошка, – шепнула она, – ты за колбасу не сердишься?

– Мня.

– Уж извини, если что.

– Мр-р-ру.

– Пять тысяч лет назад мы, женщины, царили на земле через мужчин! Наша мана покоряла и вела. Мы можем вернуть то забытое время! Наш путь начертал князь, угодный небу. «Ведай Веды!» – учит он. В его храмине каждая станет равна богине, с песнями, плясками и украшениями. Ты можешь взять первое украшение в ближайшем отделении «Почта России»...

– Оставить тебе котоматрицу на посмотреть?

– Ммяям-мммям.

Пока Поля пересчитывала и укладывала в сумку лепту – выручку с курсов, – Нерон сменил позу, сел напротив монитора.

– Гуру, я быстро.

– Гряди, дочь, с богами путь легок, удачен и скор.

Нерон покосился ей вслед. Проследил, крепко ли засели в ноутах Алала с Алалеем. Затем быстрым когтем тихо зарегился, приложил лапу к сенсорной панели – «Пользователь опознан, добро пожаловать», – и открыл почту котоматрицы, доступную одним мохнатым.

К отделению Western Union идти вверх по косогору, а это время подумать. Например, о князе, насчет которого у Поли оставалось много непоняток.

Вообще, есть ли он? Факт, что лофт на вершине башни кто-то купил. И уже выкупил – с месячными платежами бегать ей не приходилось. А это двадцать лямов как отдать. По адресу собственник – Михаил Комоедов. Ни бизнеса, ни фирмы за ним в области не числилось. Поиск показывал лишь бывшего главкома Черноморского флота, и то имя путал.

Да кто его видел, кроме как на портрете? Гуру с гурой. Эти Комоедова боготворили и кланялись портрету – «Он нам жизнь дал!».

Пару лет назад князь отбыл в духовное странствие. С его деньгами – что же не постранивать?.. На остров. Но куда?.. Бали, Пхукет, Маврикий?

Но переводы требовал в рублях! И ведь сумел там, где-то, завести рублевый счет.